

Санкт-Петербургский государственный университет

Броников Игнат Витальевич

Выпускная квалификационная работа

Феномен утопического в духовном опыте современности: мышление,
политика, культура

Уровень образования: Бакалавриат

Направление 47.03.01 «Философия»

Основная образовательная программа СВ.5026. «Философия»

Научный руководитель:

доцент,

кафедра социальной философии и философии истории,

Институт философии, СПбГУ,

кандидат философских наук

Секацкий Александр Куприянович

Рецензент:

доцент,

кафедра культурологии, эстетики и философии культуры

Институт философии, СПбГУ,

кандидат социологических наук

Хмырова-Пруель Ирина Борисовна

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

Введение.....	2
РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ УТОПИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	9
§1. Социально-утопические идеи Античности.	9
§2 Средневековая утопия.	15
§3 Ренессанс, как формирование базы для классических утопий Нового Времени.....	19
§4 Реформация в утопической перспективе.	21
Глава II. Рассвет Классической Утопии	24
§1 Революция Нового времени и становление жанра утопии.	24
§2. Утопическая мысль Просвещения.	28
Глава III. От политической утопии к утопической политике	34
§1. Первая половина XIX века: окончание века классической утопии.....	34
§2. Вторая половина XIX века: формирование «научной» утопии.	41
§3. Негативная утопия: Антиутопия и Дистопия XX-го века.	51
Раздел II: УТОПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ.....	59
Глава I. Утопия XXI века или Эпоха Панутопизма.....	59
§1. Сущность и форма современной утопии.	59
§2. Утопические элементы в рекламной продукции.	65
Глава II. Утопия как форма самосознания человека.	69
§1. Диалектика утопического сознания.	71
§2. Утопия и Наука.	74
§3. Дискуссионные проблемы в утопических исследованиях.	75
Заключение	78
Список использованной литературы.....	82

Введение

Проблема и актуальность исследования. Стремление к созданию совершенных конструкций есть одна из основных черт человеческой природы, точно также феномен *утопического* можно обнаружить во всех культурах нашей планеты. Тем самым понятие утопии относится к базовым понятиям философского дискурса, и оказывается необходимым предметом многих философских и не только дисциплин, таких как: онтология, культурология, антропология, социальная философия, политическая философия и политология, социология, философия сознания и т.п. Однако такая распространённость не мешает феномену утопии оставаться крайне проблематичным явлением, постоянно изменяющимся на протяжении всей истории цивилизованного мира. Споры о природе утопии, о характере утопического сознания не утихают, и по сей день, можно сказать, что не существует ни одного однозначного определения в утопической проблематике. Само понятие утопии часто называют инфиницией, тем самым демонстрируя его неопределимость. Хотя стоит отметить, что сейчас утопический дискурс находится в стагнирующем состоянии, повторяя результаты прежних исследований. Такое положение дел вынуждает совершить попытку рассмотреть утопию вновь, однако, теперь с позиции современности, существуя уже в контексте ситуации постмодерна. Так что возможно нам удастся уловить сущность утопического, или по крайней мере определить, а что есть утопия сейчас.

Разъяснение феномена утопического, необходимо также в силу кризисной ситуации 2022 года. Исторически прослеживается тенденция к производству утопии именно во времена крайних изменений в социальной и культурной сфере, что собственно видно и сейчас, когда на политическую сцену выходят идеи схожие с проектами прежних утопистов. Ввиду этого само собой возникает потребность в исследовании утопии, дабы смочь пережить и урегулировать текущий мировой кризис.

Степень разработанности проблемы. Анализ утопической проблематики имеет под собой незначительную базу исследований, проводившихся в течение всего XX века до сегодняшнего дня, а само теоретизирование утопии берет своё начало с марксистской философии. Причины, по которой утопии уделялось не столь много внимания, кроется в том факте, что в основном научное сообщество интересовалось смежными с утопией проблемами: идеологии, власти и подчинения, революции, историософская проблематика, христианская эсхатология и т.п. Однако на протяжении всего XX века философское сообщество активно обсуждало проблематику утопии, и здесь следует отметить ряд фамилий, разделив их на две группы.

1) Исторический обзор утопий представлен работами таких авторов как: А. Свентоховский, А. Фогт Ф.Э.Мэньюэль и Фр.П.Мэньюэль, Л. Т. Сарджент и др. Последний создал наиболее полный каталог утопий. Стоит отметить, что эти работы имели и большую долю анализа утопического, но все же их основной темой являлось составление исторического списка.

2) Аналитические работы, целью которых было исследование самого феномена утопического, с разных позиций: Э. Блох, К. Мангейм, М. Ласки, Х. Марраваль, Л. Мэмфорд, Е. Шацкий; Г. Морсон и Г. Гюнтер — рассматривали утопии, как специфический жанр.

Отечественная утопистика представляет собой не столь обширный список имен: В.П. Волгин, В.А. Чаликова, Е.Л. Черткова, Э.Я. Баталов, Ю.Д. Смирнова.

Ввиду комплексности утопических проблем, нельзя обойти стороной авторов, исследования которых не связаны напрямую с утопией, но использовались в данной работе, среди них: Новгородцев П.И. и Р. Дарендорф, Э. Тоффлер, и Г. Маркузе, Ж. Бодрийар и Галибина-Лебедева Е.С., Баткин Л.М. и М. Элиаде, Чернышов Ю.Г. и др. Анализируя утопические идеи, конечно, не возможно не обращаться к наследию знаменитых утопистов. И здесь список имен может растянуться до нескольких страниц, начиная с Гесиода заканчивая Н. Орескесом. Но все же

стоит перечислить десяток всем известных утопистов: Т. Мор, А. Валентин, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, Э.-Г. Моррели Э.Кабэ, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Ж. Грав, Т. Герцка, Г. Уэллс, Э.М. Форстер, Е. Замятин.

В итоге, хотя тематика утопии на первый взгляд выглядит достаточно разработанной, на самом деле оказывается весьма слабо изученной, если сравнить количество имён и работ, посвященных иным ключевым вопросам философской дисциплины, то увидим удручающую разницу. Современная же утопистика вовсе потеряла интерес к классическим вопросам утопии. В то же время развитие получают новорожденные темы: утопии и медиа, утопия и виртуальность, утопия и экология и т.п. Тем самым обнаруживается острая необходимость переосмыслить классические вопросы утопического дискурса (утопическое сознание, утопия и политика, утопия и идеология), что собственно и было одной из задач данной работы.

Объект и предмет исследования. **Объектом** исследования является трансформация концепта утопии с античных времен до эпохи информационного общества, **предметом** – состояние утопического феномена и его аспектов в социокультурном пространстве.

Цель исследования. Провести социально-философский и историко-философский обзор истории утопических учений и исследований утопии в западноевропейской парадигме, дабы выявить и теоретически обосновать этапы и особенности развития утопического феномена, с позиционированием ключевых проблем.

Задачи исследования. Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд задач:

1. Проанализировать содержание утопических работ, начиная с эпохи античности вплоть до XXI столетия
2. Определить место, роль и особенности утопического дискурса в каждый из выделенных временных промежутков.
3. Сформулировать и обосновать краткую историческую сводку соответственно развитию утопического феномена

4. По результатам выше перечисленных задач, выделить основные вопросы и проблемы утопического дискурса

5. Представить варианты решения конкретных утопических проблем, варианты, как признанных исследователей, так и собственный авторский.

Методы исследования. Данное исследование базируется на принципе междисциплинарности, поэтому его методологическую базу составляют как общегуманитарные, так и философские методы:

1. Исторический метод (принцип историзма);
2. Метод единства исторического и логического;
3. Метод восхождения от абстрактного к конкретному;
4. Методы сравнения, анализа и синтеза;
5. Метод генерализации в единстве с индивидуализацией;
6. Метод абстрагирования;
7. Аналитический и проблемный метод рассмотрения понятия.

Теоретическая значимость исследования представлена следующими положениями:

1. Были предложены два новых понятия для осмысления утопического дискурса XIX и XX веков, соответственно *квази-политическая утопия* и *квази-утопическая политика*. Введение данных понятий было обусловлено необходимостью разъяснить текучесть взаимоотношений между утопий и политикой на рубеже XX века.

2. Понятие *панутопизма*, лишь упоминавшееся ранее в работах В.Чаликовой, получило содержательное развитие, и было по-новому определено, и использовано для описания утопического в XXI веке.

3. Впервые была введена идея диалектического развития утопического сознания, которая проходит три стадии: утопия (обыденное сознание)→ не-утопия (утопическое сознание)→ идеология (идеологическое сознание)

4. Была переосмыслена концепция К.Мангейма о противостоянии утопии и идеологии, и предложена идея того, что идеология есть глубокая степень развития политического в утопии, когда последняя теряет себя и переходит в

новое качество собственно идеологию. Хотя и не отрицается возможное в дальнейшем противостояние утопии и идеологии.

Практическая значимость исследования. Результаты выпускной квалификационной работы могут способствовать развитию теоретических знаний в области истории и теории культуры, социальной философии, политической философии, философии культуры, истории философии и антропологии. Также результаты могут послужить базой для дальнейшей разработки представленных идей, стать полезными для специалистов, и использоваться в преподавании специальных курсов.

Апробация результатов и публикации по теме ВКР: было опубликовано три работы, из которых две статьи в журнале из перечня РИНЦ: «Противоречивость Утопического Сознания» *Studia Humanitatis Borealis* 2021; «Проблематика дефиниции понятия утопии» научный журнал *Studia Culturae* 2021. Также были опубликованы тезисы по итогам конференций: «Место и форма утопии в современной политической жизни» VI Форума молодых политологов 2021; «Утопия как метод исследования нравственного идеала» Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2021. ЭТИКА КАК НАУКА И ПРОФЕССИЯ.

Структура дипломной работы. Структура диссертации состоит из введения, двух разделов, первый раздел — 4 главы и 9 параграфов, второй раздел — 2 главы и 5 параграфов, заключения и библиографии, включающей в себя 56 наименований, как отечественной, так и зарубежной литературы.

Раздел I. Историография утопического феномена в Западной цивилизации
Первый раздел целиком посвящен историческому анализу утопического феномена с эпохи Античности вплоть до наших дней.

Глава I. От истоков утопической мысли к рождению классической утопии
Первая глава направлена на исследование и анализ утопического во времена античности, Средневековья и Ренессанса. Также затронут исторический период Реформации с целью продемонстрировать особенность производства утопического в кризисный период религиозного сознания.

Глава II. Рождение и рассвет Классической Утопии

Данная глава описывает и проводит анализ причин рождения классической утопии на границе между поздним Возрождением и Новым временем, а также рассвет утопических проектов времен Просвещения и Великой Французской революции.

Глава III. От политической утопии к утопической политике

Третья глава является одной из самых масштабных, так начиная с анализа утопических проектов первой половины XIX века, проходя и исследуя утопические метаморфозы второй половины XIX в., все заканчивается анализом утопии и антиутопии XX. На таком историческом фоне развивается идея политизации утопии, и медленного ее трансформирования в идеологию.

Раздел II. Утопическая теория в новейшее время.

Второй раздел ВКР знакомит читателя с анализом и разработкой вопросов утопической проблематики современности. Здесь предлагаются к рассмотрению авторские идеи по решению ряда проблем, а также варианты признанных ученых.

Глава I. Утопия XXI века или Эпоха Панутопизма.

Первая глава второго раздела отходит от исторического обзора предыдущего раздела, и является сугубо аналитической, ввиду того, что предметом исследования являются современные автору события. Окончательный вывод главы заключается в призывании XXI века — эпохой панутопизма, когда утопическое расплывается и покрывает почти любой аспект человеческой жизни. Отдельный параграф посвящен взаимодействию медиа и утопии.

Глава II. Фигура утописта и Утопическое сознание.

Вторая глава уделяет свое внимание в основном утопическому сознанию и его носителю, обращаясь тем самым к природе самого утопического, к политическому аспекту утопического, раскрываемого через соотношение утопии и идеологии. Также затрагивается взаимодействие утопии и науки в попытке замены марксистского взгляда на утопию. Последний параграф заостряет внимание на нерешенных вопросах утопии.

Аннотация на английском. Utopia is a word that is familiar to everyone, but the degree of its significance is equal to the degree of its problematic. This fact becomes even more interesting, given that utopias have been created throughout the history of the civilized world. The presented work aims to clarify the phenomenon of the utopian. To complete the mission, a number of tasks will be completed. First, the transformation of the utopian phenomenon throughout the history of Western civilization will be considered, and the main characteristics of the utopian discourse of each era will be highlighted. Based on the data obtained, a number of key problems of utopia will be identified. As options for solutions, both author's innovations and positions of recognized scientists will be presented. It seems necessary to address the phenomenon of utopia, because the ability to dream and create ideals is what makes a person human.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ УТОПИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Безусловно, перед тем, как переходить к исследованию истории утопических идей, необходимо представить некое общее определение утопии. Однако, уже тут можно столкнуться с трудностями, так если заглянуть в научно-исследовательскую литературу, посвящённую утопиям, то не найдем там ни одного одинакового определения, исходя из этого, будет позволительно назвать утопию *инфиницией*. Но все же нам необходимо дать какое-либо определение, потому будет уместным предложить использовать наиболее общее понимание утопии — утопия есть мыслимое построение идеального устройства общества и мира, такое построение не зависит от временных или пространственных условий, и реализация его невозможна.

Глава I. От истоков утопической мысли к рождению классической утопии.

§1. Социально-утопические идеи Античности. никоим образом не следует считать Томаса Мора (1478-1535) создателем утопической литературы, в действительности ему стоит приписать лишь звание родоначальника классической новоевропейской утопии. Утопии, являясь архетипическим образом, создавались за долго до жизни лорда - канцлера Англии, можно даже сказать, что мечта о лучшем мире, вечная тяга к окончательному переделу мира, есть, возможно, одна из констант человеческой природы. Конечно, нет возможности заглянуть в дописьменное прошлое человеческого рода, хотя, как мне кажется, если бы это удалось, то там тоже удалось бы вычленить утопические образы. Минувя дальнейшие рассуждения, перейдем непосредственно к утопическим проектам Античности. Представляется невозможным выделить некий общий канон античной утопии, в связи с недостатком фактических данных, поэтому

кажется оправданным вслед за Ю.Г. Чернышевым, но с некоторыми поправками, разделить античную утопическую мысль на ряд групп:

1. Утопии «Золотого рода(века)».

Все работы данного класса, вдохновлены архетипическим для большинства культур мифом о чудесном времени в прошлом, Мирча Элиаде (1907-1986) относил его зарождение к временам неолитической революции.¹ Самое раннее изложение данного мифа можно найти в работе Гесиода (VIII—VII века до н. э.) «Труды и дни» (VIII век до н. э.).² Автор описывает пять различных родов людей, и один их них «золотой род» кроме того, что лишен всех недостатков, даже не знаком с разделением полов. Этот миф, только в иной трактовке, также встречается у Арата из Сол (около IV до н. э. — III до н. э.) в астрономической поэме «Явления». Кроме того, можно столкнуться с элементами данного мифа в произведениях Геродота, а позже и у Зенона. В римские времена уже Овидий в «Метаморфозах» рассказывает о «золотом поколении». Интересно, что в гесиодовской трактовке мифа, не предполагается возвращение в этот «золотой род», люди его времени «железный род» уже испорчены и не имеют возможности стать лучше, и вернуться, как пишет Чернышев в «жизнь при Кроносе»³, а уже в более поздних работах, предполагается достижение или возможность возврата. Также стоит отметить, что сам термин «золотой век», это скорее достижение римских авторов⁴, у Гесиода присутствует «золотой род», возможно, этот момент отчасти проясняет историческое изменение мифологической картины мира, плавный переход ее в картину мира «профанную».

2. Утопии «Далеких берегов».

Гомер тоже не остался в стороне, однако здесь в центр утопии закладывается иная идея, а именно миф о «счастливом народе», будто то

¹ Элиаде М. Аспекты мифа/ Пер. с фр. В.П. Большакова. — 4-е изд. — М.: Академический Проект, 2010. С.71

² Элиаде М. Аспекты мифа С.72

³ Чернышов Ю.Г. Характерные черты греческой социальной утопии. Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья: Межвузовский сборник. Барнаул.: изд. Алт. ун-та, 1989. С. 3-21. URL:<http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2974> (дата обращения: 27.03.2022)

⁴ Чернышов Ю.Г. Древний Рим: Мечта о золотом веке. – М.: Ломоносовъ.:2013. С.240

фиакийцы, или эфиопы. Идея райских берегов, получило свое развитие в произведениях Ямбула (II в. до н. э) «Остров Солнца», Эвегемера (около IV до н. э. — около III до н. э.) «Священная история». Любопытно, что уже здесь присутствуют элементы характерных классических образов, таких как путешествие, остров, таинственный народ и т.п.

3. Утопии «избавителей».

Безусловно, образ героя, спасающего людей от различных бед, также, является архетипическим. Позволю себе, сказать, что не стал бы выделять этот сюжет как утопический, так как в истории развития утопий, наличествует достаточно мало таковых представителей. Однако было бы ошибкой не сказать о той исторической линии, которую для нас прокладывает Чернышев: «Чрезвычайно любопытный образец эллинизированных "мессианских" утопических легенд, появившихся, возможно, еще в середине II в. до н.э., дает нам III книга "Сивиллиных оракулов", где содержатся иудейско-эллинистические пророчества о божьем посланце и приносимом им на землю счастье и благоденствии (Or. sib., III, 286-294; 653-657; 765-795 etc.)²⁴). IV эклога Вергилия, почитание римских императоров, якобы приносящих "золотой век" жителям Империи, и, наконец, евангельские повествования доводят "сотериологические легенды" до высшего уровня их развития в античной истории».⁵

4. Политические утопии Античности

Данный тип утопий характеризуется особым содержанием и целью: так в нем обычно достаточно точно прописаны постулаты идеального общества, зачастую он имеет характер наставлений и преследует сугубо политические цели. Утопии, упомянутые выше имели скорее мифологическое основание, схожее с типичными представлениями народа о лучшем мире. Напротив, в политической утопии наличествует авторская конструкция. К работам такого толка можно отнести: диалоги «Государство» и «Тимей» Платона (V-IV век до н. э.); «Киропедия» Ксенофонта (V-IV век до н. э.), «Триполития»

⁵ Чернышов Ю.Г. Характерные черты греческой социальной утопии С. 3-21.

Дикеарха из Мессены (IV-III век до н. э.) и др. Безусловно, верно, что все эти работы не являются утопиями в чистом виде, но, тем не менее, имеют в своем основании той или иной силы утопическую интенцию. К примеру, диалог Платона, как отмечает А.О. Баумейстер имеет несколько подуровней, тем: праведность души(справедливость), аналогия души и полиса, идея политического.⁶ Работа Ксенофонта более походит на наставления, Искорат прославлял Древние Афины, Дикеарх из Мессены полемизировал с Платоном. В этом состоит одна из особенностей античной утопии, она бесформенно в том смысле, что у нее нет жанрового основания, какое возникнет в будущем, потому нам и трудно говорить о конкретной Античной утопии, не будь она выражена в мифах.

5. Утопическая сатира.

Античная Греция известная своими комедиографами, свою руку к высмеиванию утопических изысканий приложили: Кратин (VI-V век до н. э.), Эвполид (V век до н. э.), Кратет (2-я пол. V в. до н.э.), Аристофан (V-IV век до н. э.), Феопомп (IV век до н. э.). Так, Аристофан в комедиях «Птицы», «Законодательницы», «Богатство», высмеивал потуги нерадивых сограждан. Феопомп в одной из частей «Филиппик» в образе острова «Меропида» высмеивал платоновскую Атлантиду.

Спорным, пожалуй, является положение Феокрита (IV-III век до н. э.) в этом ряду, безусловно, его идиллии это яркий пример литературной утопии, далеко заглянувшей в будущее и предрёкшей целый жанр, однако отнести его к какой-либо из групп, было бы не верным. Правда это проблема любой классификации, она не терпит полутонов.

В итоге обрисовывая общие черты Античной утопии, можно указать на ряд особенностей:

⁶ А.О.Баумейстер «"Государство" Платона - не о политике?»
URL:<https://www.youtube.com/watch?v=LTATVzwxqqk> (Дата обращения: 09.03.2022)

- Во-первых, стоит указать на полисный характер утопий. Почти во всех, указанных утопиях, перед нами предстает замкнутое и иерархичное сообщество, устроенное если не по принципу полиса, то в его очертаниях.
- Во-вторых, наличествует исключительно умозрительный характер утопий. Среди всех авторов, никто, пожалуй, кроме Платона, не мыслил о реальной реализации своего проекта, это были поистине созерцательные размышления.
- В-третьих, отсутствие идеи прогресса. Ни одна из упомянутых утопий, не оперирует идеями технического развития, и не предсказывает нововведений. Все они основаны на традиционной для той эпохи экономической базе земледелия, иногда и рабства.
- В-четвертых, утопиец всегда калокагатичен, зачастую эстетическая часть утопии перевешивает ее социальную направленность.
- В-пятых, на лицо рационализация утопии. Античная утопия отходит от мифологически представлений, отвлекаясь от мистической и иррациональной стороны дела. Некоторые из представленных работ заслуживают называться «проектами».

Можно сказать, античность содержит в себе если не исток, то первый значимый толчок *утопического* в западноевропейской культуре. В эти времена утопия развивалась во все возможных направлениях и формах, создав базу для последующих достижений. Так что здесь не открывается ничего нового, а лишь подтверждается давно признанный факт, Древняя Греция — это база европейской культуры.

Стоит упомянуть и римские утопические замыслы. Хотя в общей массе присутствуют суждения, что римская социальная теория является лишь аналогией или подражанием древнегреческим образцам и в чем-то это действительно так. Ведь верно, что если понимать утопию, как идеальную конструкцию общества созданию каким-либо значимым лицом, то и правда в истории Рима найдется немного достойных стоять в одном ряду с Платоном, Т. Мором, Т. Кампанеллой (1568-1639) и другими. В то же время, не стоит так сужать картину утопического мира, ранее уже был, упомянут Вергилий

(70 год до н. э. — 19 год до н. э.) и его описание Аркадии и Сатурнова царства в «Эклогах». Сюда можно отнести и «Метаморфозы», Овидия (43 год до н. э. — 17 или 18 год н. э.). К примеру, Ю.Г. Чернышев относит к римской утопии труды римских философов и политических деятелей: Цицерона (106 год до н. э.— 43 год до н. э.), Сенеки (4 год до н. э.— 65 год до н. э.), Плотина (204/205 год до н. э — 270 год до н. э), Саллюстия (87 или 86 год до н. э.— около 35 год до н. э.) и др., указывая на то, что они рисовали идеальный образ общества в нравах предков, противопоставляющих с текущим упадком, отмечаемым этими авторами. Различные программы реформ, как например, реформы братьев Гракхов, также имеют некий утопический характер. Однако здесь, пожалуй, стоит не согласиться, в действительности эти работы скорее имеют утопические элементы в своем содержании, но в полной мере называть их утопиями, это по крайней мере сомнительно. Е. М. Штаерман (1914-1991) описывает это так: «На смену старым более или менее утопическим проектам устройства государства, приходит новая утопия поиски — идеальной монархии, идеального царя, ставшая последней утопией античного мира. Дань ей, так или иначе, отдало большинство авторов того времени — Сенека, Плиний Младший, Дион Хрисостом, Филострат, Дион Кассий, Светоний, авторы “Истории Августов” и др.». ⁷ Хочется добавить, что исследователи забывают о самой главной утопии Рима, выражающей сам дух той эпохи. А именно утопии — империи, которая имплицитно и невидимо все время жила в сердце римского гражданина.

Но время Греции и Рима прошло, и с падением вечного города, наступила иная эпоха, а на острие истории вышла иная сила, которая и по сей день остается одной из самых могущественных, а именно Христианство. Еще со времен Поздней Империи, можно говорить о возникновении различных протохристианских, еретических учений о спасении и вечном царстве, которые многое взяли именно у античных авторов: «Христианский образ «грядущего века» впитал в себя не только мессианские чаяния иудейских

⁷ Штаерман Е. М. Эволюция идеи свободы в древнем Риме. ВДИ.: 1972. № 2. С. 50.

пророков, но и утопические грезы «языческого» мира о блаженной «жизни при Кроносе» и о «Сатурновом царстве»... При переходе к Средним векам римская имперская концепция была поглощена концепцией христианской». ⁸ Однако наиболее полное развитие христианские эсхатологические учения достигают в более позднем феномене «милленаризм».

§2 Средневековая утопия. Христианство во всех различных формах, вот что было одной из главных причин падения тысячелетнего Рима, и вот что стало доминирующей силой в истории Запада на протяжении всех многих веков, так что христианская религия не обошла стороной и утопию.

Чтобы разъяснить место утопического в эпоху Средних веков необходимо обратиться к феноменам эсхатологии и хилязма. В последнем обрела свою форму утопия, и ярче всего выражалось проявление утопического сознания, так М. Ласки замечает: «Хотя мы говорили о прорыве к реформе в XVI в. и о прорыве к революции в XVIII в., один историк⁹, занимающийся проблемой” поиска тысячелетнего царства”, напоминает нам, что изначальный контекст для некоторых, если не для всех этих элементов, возник еще раньше, в XIV в.».¹⁰

Эсхатология - термин происходит от греческого слова *eschatos* – «последний», «крайний» - представляет собой учение о конечности мира, о конечной судьбе человека, общества и всего сущего. Такие представления существуют во всех мировых сообществах, а в работе «Аспекты Мифа», в главе «Эсхатологические мифы» Мирча Элиада, описывая такие представления, говорит, что самым ярким выражением этого явления будет являться миф о потопе¹¹. Говоря же об истории развития эсхатологии, М. Шахнович пишет: «Особое развитие эсхатология получила в Палестине, где в силу многих причин она имела давние традиции. Уже в VI в. до н. э.,

⁸ Чернышов Ю.Г. Древний Рим: Мечта о золотом веке. С.240 с.

⁹ Прим. от автора- Ласки имеет виду историка Нормана Кона.

¹⁰ Ласки М. Утопия и Революция .Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы//Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой., М.: Прогресс, С.178

¹¹ Эллиаде М. Аспекты Мифа С.62

возможно, под влиянием зороастрийской религии, элементы которой были восприняты во время Вавилонского пленения, на почве иудаизма возникло представление о «последних временах», то есть о конечных судьбах мира и человека»¹².

Христианская же эсхатологическая мысль, выразившаяся в феномене хилиазма, есть лишь одна из форм эсхатологии. Хилиазм начинает свое развитие с времен еще Поздней Античности. С именем гностика Керинфа (I-II век н.э.) связывают первые упоминания хилиазма¹³, однако тогда он представлял собой скорее выражение мнения отдельных деятелей церкви, и скорее был «андеграунды» течением. Однако, когда христианство потеряло статус секты, и обрело значительное влияние, став, например, одной из «официальных» религий Римской Империи, и чем больше такая сила увеличивалась, тем меньше проявлялась необходимость идеи конца света, он перестает быть неизбежным будущим. Святая Церковь и ее победа обозначили начало нового мира, однако уже в XII веке, миллениаристские концепции вновь оживают. Во многом это связано с учением Иохима Флорского (1132-1201) о трех царствах Сына, Отца и Святого духа соответствующим трем заветам Ветхому, Новому и Грядущему. В этом последнем царстве реализуются все принципы прошлых двух. По сути это еще одна выкладка идеи Тысячелетнего царства. Хилиазм продолжит жить и в более поздние эпохи, в качестве неформальных движений, сект, истоков крестьянских восстаний, некоторые исследователи также находят в нацизме и коммунизме эсхатологическую основу, о чем будет сказано в последующих главах.

Сам по себе хилиазм или миллениаризм, может быть определён так – учение о тысячелетнем царстве Христа после второго пришествия, которое было осуждено католической и православной церквями. Как отмечают многие исследователи, данное учение — это результат буквальной трактовки

¹² Религиоведение: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М. М. Шахнович — СПб.: 2012. С.183

¹³ Шафф Ф. — «История христианской Церкви». СПб.: 2010. Т. 2, § 123.

Откровения Богослова Иоанна (Апокалипсис): «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали... И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И сотрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И сказал сидящий на престоле: Се, творю все новое»¹⁴.

Необходимо сказать, что именно хилиазм или милленаризм представляется неким слиянием религиозного сознания и утопических представлений о мире. Официальная церковь душила утопическую фантазию выдающихся людей того времени, не давая родиться на свет цельным проектам. Однако и здесь утопия нашла лазейку, чтобы прорваться в реальный мир, почему же так произошло? Можно выделить несколько факторов: во-первых, эсхатологический миф есть архетипическое явление, и его искоренить нельзя. Во-вторых, в головах и сердцах простых людей не утихали мысли о различных райских берегах, у такой народной утопии множество наименований: Страна Кокейн, Град Китеж, Помуна, Люберланд и Шларафенланд. Рай бедняка и т.п. В-третьих, смелые возгласы некоторых из деятелей церкви о Тысячелетнем царстве. Все это создавало необходимые условия для возникновения мощного движения, и официальная церковь никак не могла препятствовать этому. Супруги Ф.Э. Мэньюэль(1910-2003) и Фр.П. Мэньюэль (1914-2012) отмечают: «За столетие до лютеровской Реформации социальные мятежи неизменно сопровождала милленаристская вера. Участники народных восстаний ремесленников и крестьян, питавшие враждебность к церковной иерархии, сочетавшуюся с глубоким антагонизмом бедных против богатых господ и бюргеров, находили в Библии

¹⁴ Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова. 21 глава 1-4 URL: <https://avs75.ru/bible.html> (дата обращения: 01.04.2022)

образец общества, которое должно прийти на смену ненавистным им порядкам».¹⁵

Тому есть яркие подтверждения, к примеру:

- Движение гуситов, возглавляемое Яном Гусом(1369-1415), а особенно хилиастическо-утопическое идеи отражались в самом радикальном его отростке в таборитах.
- Деятельность секты Братьев и Сестер Свободного Духа
- Восстание Уота Тайлера 1381 года, движимое идеями священника Джона Болла (1338-1381). Хотя стоит отметить, что в число восставших входили не только беднейшие сословия, но и ремесленники, городские жители, местное дворянство.¹⁶
- Можно отметить и таких предвестников реформации как Джона Уиклифа(1320-1384). А также более позднее явление, такое как памфлет неизвестного автора «Реформация императора Сигизмунда» (около 1430-х) предлагавший революционные для того времени реформы.

В целом можно сказать, что «общий для всех сект язык представляет собой смесь пророчеств Даниила, Откровения (Иоанна Богослова. — Перев.) и Сивиллиных книг».¹⁷ Схожие по духу, если не по содержанию движения вновь обретут свою мощь, подпитываемую утопической силой, однако уже в период Реформации, в лице Томаса Мюнцера (1490-1525), анабаптистов и др.

¹⁵ Мэньюэль Ф. и Мэньюэль Фр. Утопическое мышление в западном мире. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы//Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой., М.: Прогресс. С.22

¹⁶ Хилтон Р., Фаган Г. Восстание английского народа в 1381 г. М.: Издательство Иностранной литературы, 1952. С.209

¹⁷ Мэньюэль Ф. и Мэньюэль Фр. Утопическое мышление в западном мире. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы С.24

§3 Ренессанс, как формирование базы для классических утопий Нового Времени. В данном параграфе будет рассмотрено положение утопической мысли в эпоху Возрождения, датируемой XV-XVI веками, хотя и невозможно точно указать периодизацию, само же понятие «Ренессанс» было введено Ж. Мишле (1798-1874) в середине XIX века.

Стоит сказать, что работы Т. Мора, Т. Кампанеллы и А. Дони (1513-1574) не относятся к рассматриваемому периоду. Отнюдь, три этих автора жили на сломе эпох, одной ногой «*зашагивая*» в Новое время, и весь дух их проектов уже указывает нам на это. Невозможно себе и представить, чтобы настолько продуманные утопии, были созданы в эпоху Ренессанса, это просо не соответствуют ее духу, да и духу гуманизма в целом. Если Гуманизм ставил в центр фигуру человека способного на свободный выбор, то утопии, выше указанных автор, своим ядром имеют общество. И именно общество, как механизм, что нуждается в починке, или в верном устройстве, есть ключевая проблематика Нового времени, здесь уместно вспомнить Т. Гоббса (1588-1679) и Дж. Локка (1632-1704). Стоит правда сделать одно замечание относительно персоны Георгия Гемиста Плифона (1360-1452), который известен нам своим проектом реформ. Некоторые исследователи также усматривают в данном проекте истоки нововременных утопий. Независимо от этого остается несомненным, что именно Возрождение подготовило базу для грандиозных планов потомков, подняв разговор о силе человека и о возможной гармонической основе бытия, Л.М. Баткин по этому поводу пишет: «Чем больше Высокое Возрождение, с его героизаций и обожествлением человека, с его напряженной сублимацией наличного бытия принципиально исключало утопичность и трагедийность, тем полней оно было обречено на них, с тем чтобы подготовить их приход ценой собственной гибели»¹⁸ и «Утопия результат и ренессанса и одновременно его гибели; она – порождение и знак после ренессансной ситуации».¹⁹

¹⁸ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. ред. О.Б.Константинова /М.:РГГУ, 1995.С. 363

¹⁹ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди.С. 370

Человек, как вопрос и проблема, пожалуй, именно здесь гуманисты, открыли занавес своей утопии, то есть антропологических миф и есть некая форма утопии Ренессанса. Гуманисты усиливают ценность и значения разума человека, в нем видятся божественная природа человека, его способность быть свободным в своем выборе. Я бы хотел выразить все эти отношения и их перемены одной замечательной фразой из произведения Джованни Пико делла Мирандола (1463-1494) «Речь о достоинстве человека»: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные».²⁰

В то же время, есть и вторая линия утопического, а именно архитектурная «утопия». Сам по себе термин, довольно сомнителен, однако в силу невозможности найти лучший, необходимо использовать имеющийся. Следует лишь верно его трактовать, в данном случае, когда речь заходит об архитектурной «утопии», то понимать под этим следует проекты Леона Альберти (1404-1472), Антонио Филарете (1400-1469), Уберто Дечембрио (1350-1427). Это не утопии в полном смысле слова, хотя они и пропитаны утопическими элементами, это скорее отражение обще ренессансного мифа о возможной гармонизации. Так что градостроительные утопии Возрождения, также относятся к фундаменту, на котором уже позже выстроят свою утопию Т.Мор и другие. Тем самым, само искусство Возрождения преобразовалось в схематизацию и планирование Нового Времени.

²⁰ Джованни Пико делла Мирандола Речь о достоинстве человека. Перевод Л.Брагиной. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. Т.1.

§4 Реформация в утопической перспективе. 31 октября 1517 года Мартин Лютер (1483-1546) прибил к дверям Виттенбергской церкви «95 тезисов», написанные им, и в этот момент положил начало Реформации. Хотя конечно ее предпосылки лежали в глубинном устройстве экономических отношений средневековья, и в положении официальной церкви, так что задолго до Мартина Лютера жили люди, что боролись за идеи схожие с его, к примеру, Ян Гус (1369-1415), Джон Болл (1338-1381), Джон Уиклиф (1320-1384) и др.

Однако, относительно данного исследования, весь феномен Реформации представляется не столь важным. Ключевым в вопросе утопистики является учение Томаса Мюнцера (1490-1525), и анабаптистов. Многие исследователи отмечают утопическое содержание этих вариантов христианства, к примеру Ф.Э. и Фр.П. Мэньюэли и К. Мангейм. Последний проводит связь между ними и хилиастическими представлениями. В главе своей работы «Идеология и Утопия» он утверждает, что оргиастических хилиазм анабаптистов, включая Томаса Мюнцера, был первой формой утопического сознания в Новое время.²¹ Данный вывод, конечно, имеет под собой основание, однако, стоит побояться называть его первым, да и вообще пытаться понять историю в ключе «истории идей», к чему, кстати, сам Мангейм и призывает. В то же время несомненно, что в это время низшие слои общества находились в девственном положении, и как нельзя, кстати, на сцену вновь выходят, уже несколько раз осужденные хилиастические чаяния. Такая смесь, и рождает восстание, по типу Крестьянской войны Томаса Мюнцера. Последний тоже утверждал пришествие царства божия на земле, однако интересно, что никак его не описывал, Священное Писание он трактовал свободно, а лютерову веру называл «обезьяньей»: «Мюнцер не обладал даром описывать ту Великую Субботу, которая наступит после страшных событий Апокалипсиса.

²¹ К. Мангейм Идеология и Утопия. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы С.128

Уничтожив неверующих, праведные избранники установят ”мирное царство” и будут править. Что это будет за царство, остается неизвестным, но именно в этой туманности описания завтрашнего дня черпала силу одна из самых великих западных утопий». ²² Мюнцеровский град божий лишь через великое восстание масс против угнетателей может наступить. Тут не было моровских деталей, но сила была не меньшая. Однако Мюнцер потерпел поражения и был убит 27 мая 1525 года.

Тогда на сцену вышли анабаптисты, которые также принимали участие в Крестьянской войне 1524-1525 годов, а уже в 1534 году захватили город Мюнцер и устроили там коммуну, разрушенную в 1535. Они также во многом были ведомы идеей апокалипсиса. Еще долго продолжались различного рода брожения в разных частях Германии и Европы, однако такого утопического всплеска уже не предвещалось в ближайшем времени, по этому поводу супруги Мэньюэли пишут: «Когда через десять лет анабаптисты захватили город Мюнстер, их погромы запятнали репутацию Мюнцера в западной культуре. Последователи Лютера пытались вычеркнуть его из истории Реформации. Идеи Мюнцера продолжали подпольно жить в народном утопическом сознании, но они никогда уже не приобрели той формы, в которую они отлились в подлиннике». ²³

Правда не стоит отчаиваться, к примеру, К. Мангейм проводит связь между экстатической жадой революции у хилиастов и Бакуниным пониманием революции, говоря, что последний наследует хилиастического демона. ²⁴ А, к примеру, Мирча Эллидае заглядывает еще дальше в будущее: «Эсхатологическая и миллениаристская мифология нашла свое новое рождение в самое последнее время в Европе в двух политических тоталитарных движениях. Внешне абсолютно секуляризованные - нацизм и

²² Мэньюэль Ф. и Мэньюэль Фр. Утопическое мышление в западном мире. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.39

²³ Мэньюэль Ф. и Мэньюэль Фр. Утопическое мышление в западном мире. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.41

²⁴ К. Мангейм Идеология и Утопия. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.134

коммунизм, насыщены элементами эсхатологического видения мира. Они провозглашают конец старого мира и наступление эры изобилия и блаженства».²⁵

Стоит сказать, что существует и полярное мнение по этому вопросу, так Х.А. Маравалль обращает внимание на перманентную диалектическую борьбу двух принципов «актуальной реальности» и «парадигмы будущего» в Западной цивилизации. Эти принципы по-разному соотносились относительно исторического времени. Так образом Маравалль не находит преемственности в феноменах хилиазма и утопии, наоборот он заявляет, что это две разных формы выражения указанной нами биполярности принципов: «В первой фазе люди, сказавшие "нет" обществу, в котором они живут, ожидают изменения существующего порядка в результате внезапного, сверхприродного и внешнего действия; во второй фазе (частично сохраняющей реликты предыдущей) люди полагают, что сами способны установить новый общественный порядок. Изменение строя в этом случае — я настаиваю на данном тезисе — приобретает черты революционного ускорения... К первой фазе я отношу все примеры миллениаризма (включая примыкающие к ним случаи профетизма и мессианства). Наиболее ярким и последовательным примером второй фазы является то, что мы называем утопией»²⁶. Так что не правы были исследователи, что утверждали «Утопия — это «секуляризированные небеса средневековья», никакого отношения к небесам утопия не имеет. Выбор между этими позициями сложен, но все кажется, что нечто утопическое в хилиастических настроениях есть.

²⁵ Эллиаде М. Аспекты Мифа С.75

²⁶ Маравалль Х. Утопия и Революция. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.210

Глава II. Рассвет Классической Утопии.

§1 Революция Нового времени и становление жанра утопии. Период в истории западной цивилизации, который можно обозначить, как Новое время длился примерно со середины XVI века и вплоть начало XX века. Однако если рассматривать Новое время в чисто философском контексте, то следует задать такие границы как последняя четверть XVI века и вплоть до первой четверти XVIII. Необходимо конечно подчеркнуть, что все это есть лишь формальная необходимость хоть как-то задать границы, так как, безусловно, невозможно делить историю как циферблат. К примеру, Великие географические открытия с одной стороны относятся к Высокому Возрождению, с другой стороны, явно если не вступают, то предвещают Новое время, также дело обстоит и с Реформацией. А Позднее Возрождение так и вовсе накрывает почти половину Нового Времени. Особенно примечательна здесь фигура Томаса Мора (1478-1535), который исторически жил в эпоху Возрождения, но книга, которого служила одним из показателей начала Нового Времени. В то же время, следует придерживаться выше сказанного, а именно весь период Возрождения, в том числе и Реформация, есть пропедевтика к нововременному взрыву во всех областях, проблема общества становится смыслообразующей. На это повлияло множество нововведений того времени.

Во-первых, открытие новых земель (Х. Колумб (1451-1506), В. Да Гама (1469-1524), Ф. Магеллан (1480-1521)).

Во-вторых, оформление философии рационализма Р. Декарт(1596-1650) и Б. Спиноза (1632-1677), с этим связано и появление философии механицизма. Механицизм по сути своей развязал руки утопистам, ведь из идеи механистичности жизни можно вывести возможность наладить ее насильственным или научным путем.

В-третьих, зародилась современная западная научная мысль (Н. Коперник (1473-1543), А. Везалий (1514-1564), Г. Галилей (1564-1642), и т.д. В-четверты, политическая наука пополнилась новыми идеями, которые легли в основу дальнейших построений (Теория общественного договора Т. Гоббс, истоки либерализма в работах Дж. Локка, идея правового государства, гражданского общества и т.д.)

Это база, без которой был невозможен полет моровской фантазии. Потому, три главных утописта Нового времени Т. Мор, Т. Кампанелла и Ф. Бэкон жили в переходное время, ведь именно в такие периоды истории возникает, что-то поистине новое, и грандиозное. И во всех выше перечисленных, безусловно, великих открытиях, затерялось одно — возникновение классической утопии, и как следствие оформление жанрового стандарта. Отсутствует необходимость в подробностях описывать каждую утопию, представленного автора. Однако стоит перечислить основные работы, относящиеся к данной эпохе, а после отметить их особенности. К основным утопическим произведениям Нового времени можно отнести работы: Т. Мора «Утопия» 1516, Т. Кампанеллы «Город Солнца» 1602, И.В. Андреэ «Христианополис», Ф. Бэкона «Новая Атлантида» 1627, о которой И.М. Эрлихсон писал: ««...«Новая Атлантида» была не социальной, а сциентистской утопией».²⁷ В том числе следует отметить и менее культовые произведения, к примеру Дж. Уинстенли «Закон Свободы» 1652, Жан Мелье «Завещание» (1620-е), Ф. Годвин «Человек на Луне», Я. Гаррингтон «Республика Океания» (1656), Г. де Фуаньи «Южная земля» (1676), Дени (Дони) Верассе «История Северамбов" (1675), Т. Артус «Новейшее путешествие на остров Гермафродитов»(1605), Л. Агостини «Воображаемое государство» (конец 16 века), Л. Цукколо «Евандрия» 1625, Г. Платтес «Описание известного королевства Макария» 1641, С. Готт «Новый Иерусалим» (1648) Ф. Дони «Миры» (1552-1553). Относительно последней

²⁷ Эрлихсон И.М. «Новая Атлантида» Ф. Бэкона в английской социально-политической и философско-теологическое мысли эпохи реставрации (1660–1689 гг.). Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. С.270

работы интересно замечание Ф. Клейнфехтера: «Она кажется сатирой, говорю, кажется: потому что не могу понять, что собственно означают заключающиеся в ней рассказы...». ²⁸ Остаются ещё десятки различных произведений, которые возможно не имеют ни авторства ни точной даты написания. Есть труды косвенно относящиеся к утопии, например, « Царство Офир», «Приключения Телемака» Фенелона, «Записки Гауденса Луксаго», «Разговор европейца с жителем острова Дюмокала, С. С. Де Бержерак «Комическая история государств и империй Луны» 1657 и др. Относительно них произведений уместно данное определение: « Прав до некоторой степени Клейнвехтер, говоря, что если эту фантазию мы причислим к разряду сочинение о будущем государстве, то следовало бы включить сюда и все общественно-политические сатиры». ²⁹

Также к «реализованным» утопиям можно отнести Иезуитские колонии в Парагвае в 1620 годах, в таком контексте их упоминает А. Свентоховский и А.Фойгт(1860-1940). Однако исследовательница этих событий Е.С.Галибина-Лебедева пишет: «Их государство не являлось и попыткой осуществить какую-либо из социальных утопий – Платона, Мора или Кампанеллы – на практике, хотя некоторые впоследствии несправедливо изобличали их в заимствовании идей из “Государства Солнца”». ³⁰ Перейдем теперь к перечислению главных черт утопий этого периода:

1. Центральное место во всех выше перечисленных произведениях занимает проблема устройства общества, а если быть точнее, то государства. В большинстве указанных работ особое внимание уделяется описанию устройства общества, вплоть до мельчайших деталей.

2. Почти в каждой работе присутствуют черты критики современности, иногда переходящей в сатиру. Из-за чего, кстати, и возникают проблемы с определением жанра, о чем будет сказано в главе, посвященной этому.

²⁸ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. Изд. 2-е, СПб: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С.65

²⁹ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. С.109

³⁰ Галибина-Лебедева Е.С. Орден иезуитов в Латинской Америке XVII–XIX веков: на примере Эквадора М.: Наука. 2014. С.16

3. Продолжает жить мотив «острова» и путешествия, однако он становится более тотальным и привычным, укрепляясь в культурном слое. Это отчасти было связано с Великими географическими открытиями.

4. Некоторые исследователи отмечают социалистический характер появившихся утопий. Однако, как мне кажется идеалы утопии того времени основаны на типичных представлениях о справедливой жизни, так что характеризовать их как социалистические неверно.

5. Путешественник всегда возвращается на родину, этот сюжетный ход представляется неким «правилом» жанра и «принципом» самой утопии. Человеку реального мира не может «ужиться» с трансцендентной реальностью утопии, и это не всегда связано с его недостатками. Путешественник просто не может себе толком объяснить зачем же он уехал? А. Петруччани по поводу произведения Ямбула пишет: «Но даже когда эта природа сходна с нашей, она остается для нас недостижимой, и всякий случайно попавший в ту страну путешественник не в состоянии уподобиться ее обитателям, а потому он достоин лишь презрения и изгнания».³¹

6. Сам способ достижения утопии поменялся: произошел отказ от «внезапности» присущей Средневековью, отныне авторы ориентированы на постепенный переход в мир, помещённый где-то далеко во времени или пространстве. Особо значение обретает процесс самого становления утопии. Вышеперечисленные работы заложили фундамент жанра утопии, создали границы для последующих творцов, но они сделали нечто еще более важное. Кто как не утописты могли предвещать будущее, и показать, что идея о самостоятельном устройстве общества, о возможности наладить его «работу» имеет под собой вполне реальный смысл. Поэтому кажется довольно справедливым, сказать, что отчасти именно утописты сделали возможными грандиозные изменения XVIII века, сделали вообще возможным сам проект Просвещения. Стоит, сделать небольшую ремарку, и сказать, что не стоит

³¹ Петруччани А. Вымысел и поучение. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.101

думать, что исчезли народные представления об утопиях, по-прежнему были живы и страна Кокань, где за безделье платят, и текут винные реки, град Китеж, Беловодье, Шлараффенланд.

§2. Утопическая мысль Просвещения. Эпоха Просвещения, датируется началом XVIII века - первой половиной XIX в. Историко-литературный экскурс по утопическим проектам эпохи Просвещения, стоит начать с утопий естественного права. В данном параграфе не будут выделены группы утопии, так как не представляется возможным провести четкое разграничение. Мнение даже признанных исследователей разнятся, к примеру, А. Свентоховский относит Э.-Г. Морелли (1717-1778) к утопистам естественного права, а Б.С. Сергеев-Попов и П.И. Волгин к утопическим коммунистам и т.п. Каждая классификация имеет долю предвзятости ученого. В советской традиции многие авторы были почти безосновательно названы утопическими коммунистами. В том числе деление на группы будет означать постановку клейма на автора, тем самым убирая необходимость чтения его работы. Однако, все же можно обозначить некоторые определяющие идеи, а именно либерально-гуманистическую и консервативную, и, хотя начало им было положено Новое время, свое оформление они получили уже в эпоху Просвещения. В то же время социалистическо-коммунистическая идея, как нам, кажется, аморфно существовала еще с давних времен, и не была нова для Нового времени, однако строгое оформление свое также получила в эпоху Просвещения. Собственно, в данной главе, следует поступить соответственно прошлой, а именно перечислить основные утопические работы, и кратко представить характеристику эпохи.

Вновь приходится сетовать на то, что приходится предоставить читателю перечень утопий без их группирования, только уже жанрового. Потому как не представляется возможным четкое отделение мотивов автора при задумке его произведения, писал ли он сатиру, утопи или приключенческую фантастику, хотя и есть ряд книг, где автор четко дает это понимание. Итак,

вот краткий список основных имен: Э-Г. Моррели (1717-1778) ««Базилиада, или Кораблекрушение у плавучих островов» и работа, написанная в ответ на критику первой ««Кодекс природы, или Подлинный дух её законов»; Тифен де ля Рош автор «Истории галлигенов» (1765 г.); Гилляр де Борье «Ученик природы» (1763г.); Фонтенель Бернар (1657-1757) и приписываемая ему «Республика философов или история Ажаойенов»; Никола Ретиф де ля Бретонн (1734-1806) «Открытие Австралии»; Пьер-Поль Мерсье де Ла Ривьер (1719-1801) «L'heureuse nation ou Relations du gouvernement des féliciens, peuple souverainement libre, sous l'empire absolu de ses loix Lemercier de la», Л.С. Мерсье «Год две тысячи четыреста сороковой» (1771); Г. Мабли (1709-1785) «Принципы морали», Merryman, Dr.(псевд.) «The Island of Content: or, A New Paradise Discovered» (1709); Morris Williams «A Description of New Athens in Terra Australis Incognita» (1720). Samuel Brunt «A voyage to Sacklogallinia: with a description of the religion, policy, customs and manners, of that country», господин де Катальд (аноним) «Крестьянин-дворянин, или Приключения г-на Рансава, с его путешествием к островам-близнецам», Томас Спенс «Constitution of Spensonia» (1801).

Это лишь жалкие десятки утопистов тех времен, а их на самом деле сотни, с наиболее полным списком переведенных на английский язык работа, начиная с 1516 года, можно ознакомиться на сайте, созданном известным исследователем утопии Лиманом Тауэром Сарджентом.³² Хотя стоит сказать, что многие из этих произведений вовсе потеряли характер утопии по стилю, но не по содержанию, и скорее представляют собой политические трактаты-воззвания, или эмбрионы утопий. Поэтому параллельно с утопиями возникали и политические работы, поднимавшие схожие проблемы, к примеру У. Годвин (1756-1836) «О Собственности», Симеон Лингэ (1736-1794) "Теория гражданских законов", Ж.Ж. Руссо (1712-1778) «Об общественном договоре».

³² Utopian Literature in English: An Annotated Bibliography From 1516 to the Present by Lyman Tower Sargent URL: <https://openpublishing.psu.edu/utopia/content/introduction> (Дата обращения: 11.04.2022)

Теперь укажем некоторые общие для всех этих работ характеристики: Во-первых, политическая направленность утопий стала ярко выраженной. Отныне почти любое произведение носило характер политический, и имело под собой определенную политическую программу, или отражало определенную идеологическую установку.

Во-вторых, большое развитие в утопиях получила тема естественного состояния, естественного и гражданского права. Как отмечает Свентоховский, именно фигуру Руссо стоит считать тем, кто поднял эти проблемы на новый уровень: «...В строе этом человек отдает обществу всю свою естественную свободу и получает взамен свободу гражданскую. Эти две идеи Руссо, определяющие отношение человека к природе и к другим людям. Придают особый стиль общественно-утопической архитектуре конца 18 и начала 19 веков, который отчасти сохраняется в ней и до сих пор».³³ Соответственно этому одной из главных тем утопий, стала борьба против частной собственности, вспомним слова классика: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!»³⁴ или уже у Морелли «...Следовательно, в частной собственности приходится видеть причину всех моральных недостатков, свойственных человечеству».³⁵ Так что цель работы Руссо, становится целью многих утопистов: «Найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде. Такова основная задача, которую разрешает Общественный договор».³⁶ К работам такого толка можно отнести произведения Э.-Г. Моррели ««Базилиада, или Кораблекрушение у плавучих островов» и работу, написанную в ответ на критику первой ««Кодекс природы, или Подлинный

³³ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. С.114

³⁴ Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре. Пер. с фр. — М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле». 1998. С.106

³⁵ Моррели Э.-Г. Кодекс Природы/ Перевод с французского М.Е. Ландау/ М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956.- С.21

³⁶ Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре. С. 207

дух её законов» Тифена де ля Рош, автора «Истории галлигенов» (1765 г.); Гилляр де Борье «Ученик природы» (1763г.); Фонтенель Бернар (1657-1757) «Республика философов или история Ажаойенов» и др. Мерсье де Ла Ривьер, Пьер-Поль (1719-1801) «L'heureuse nation ou Relations du gouvernement des féliciens, peuple souverainement libre, sous l'empire absolu de ses loix Lemercier de la».

В-третьих, утопии обретают более революционную направленность, все чаще слышатся идеи о их практической реализации, и во многом целью написания становится скорее составление плана или проекта, чем чисто созерцательное действо. Тем самым усиливается радикализм авторов, полно проявивший себя в Великой Французской Революции и в дальнейших построениях утопий.

В-четвертых, утопии начинают терять свою литературную составляющую, медленно превращаясь в чисто политические трактаты с явной утопической направленностью, к примеру: Г. Мабли (1709-1785), У. Годвин «О Собственности», Симеон Лингэ "Теория гражданских законов", Ж.Ж. Руссо (1712-1778) «Об общественном договоре».

В-пятых, жанровые установки остаются прежними, однако начинают появляться чисто литературные утопии, в которых зарождается жанр фантастики, как-то совершается в работе Л.С. Мерсье «Год две тысячи четыреста сороковой» (1771).

Однако есть экземпляры, которые обладают частными особенностями, к примеру, в работе Мерсье де Ла Ривьера Пьер-Поля (1719-1801) «L'heureuse nation ou Relations du gouvernement des féliciens, peuple souverainement libre, sous l'empire absolu de ses loix Lemercier de la». В ней утверждается святость частной собственности, равенство граждан перед законом ограниченное, однако природными неравенствами, тем самым содержание работы не соответствует общей тенденции руссоистской ненависти к частной собственности.

Также интересен Э.-Г. Моррели, так как он был утопическим оптимистом, и верил в возможность возвращения естественного состояния. Так он пишет в своей работе: «...везде, вплоть до комариного крылышка, существует последовательное развитие; я испытываю, я чувствую прогресс моего разума. Я вправе, следовательно, сказать, что по чудесной аналогии существуют благоприятные приращения и в области моральной и что, несмотря на свою силу и свою мягкость, законы природы лишь постепенно приобретают полную власть над человечеством».³⁷ Хотя Свентоховский оценивая утопию, Моррели давал ей неблагоприятную оценку: «Между тем весь его «кодекс» является только перефразированной и сведенной к парадоксам теорией Руссо, рожденной настроениями дореволюционной эпохи...».³⁸

Стоит отметить утопистов, не написавших ни одной утопии, но пытавшихся их создать. Здесь в первую очередь должно взглянуть на Г. Бабёфа (1760-1797). Бабёф был лидером движения «Во имя Равенства», он пытался оживить сказку. К. Маркс писал: «Первое появление действительно активной коммунистической партии имело место во время буржуазной революции, в тот момент, когда была устранена конституционная монархия. Последовательнейшие республиканцы, в Англии «уравнители», во Франции Бабёф, Буонарроти и т. д., первые провозгласили эти «социальные вопросы»³⁹. Дело Бабёфа, описано его другом и товарищем по партии Ф.Буонарроти в книге «Заговор во имя Равенства». Историк же Герье писал: «социалистическая вспышка в 18 веке – заговор Бабефа, является попыткой практически осуществить идеал, всего обстоятельнее и реальнее изображенный в сочинениях Мабли».⁴⁰

Не стоит также забывать, что именно в этот период родились первые русские литературные утопии, и, хотя количество этих работ можно считать по пальцам, однако содержательно они представляются довольно

³⁷ Моррели Э.-Г. Кодекс Природы. С.159

³⁸ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века.С.122

³⁹ Маркс К. и Энгельс. Ф. Сочинения. Второе издание. Т.4. СССР. М.: изд.полит.лит. 1955. С.301

⁴⁰ Герье В. И. Мабли, Габриель Бонно // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

достойными, и уж точно не хуже европейских аналогов. К русским утопиям эпохи просвещения можно отнести работы написанные В.А. Левшиным «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве», М.Д. Чулковым «Пересмешник» фрагменты «Сна Кидала», М.М, Щербатовым «Путешествие в землю офирскую г-на С... шведского дворянина», сочинения А.П. Сумарокова «Сон. Счастливое общество» и фрагменты из «Трудолюбивой пчелы», М.М. Херсакова «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768).

С началом *Наполеоновский* эпохи, заканчивается и утопическая бравада просвещенцев, поэтому и нам необходимо двигаться дальше. Однако идеи, поднятые, в этом столетии станут определяющими в следующем.

Глава III. От политической утопии к утопической политике

§1. Первая половина XIX века: окончание века классической утопии. В самом общем представлении утопии первой половины XIX века являются собой идейное развитие утопических представлений времён Великой Французской революции, к тому же большинство авторов, которые будут отмечены, родились именно в XVIII веке, однако основную свою деятельность развернули уже в будущем столетии. Роль тех авторов, о которых пойдет разговор, справедливо отображена Плехановым в работе «Анархизм и Социализм» (1894) пишет: «Великие утописты первой половины нашего столетия были гениальные люди; они двинули вперед социальную науку, стоявшую тогда всецело на утопической точке зрения».⁴¹ Однако, все не так просто, как кажется на первый взгляд, изменяется сама материя утопии. Последняя медленно, но верно превращается в *квази-политическую утопию*, устраняя из себя остатки «сказочности» и «метафоричности». Хотя классический вид утопии и будет существовать до наших дней, однако он скорее будет позиционироваться, как чисто литературное произведение, в то время как истинно классическая утопия как раз и синтезировала в себя политических протест и миф. Дабы подтвердить выводы, обратимся к самым значимым работам этой эпохи.

Самым ярким явлением утопии данного времени стал утопический социализм: «Гидре пролетарского движения, - говорит Лукс, - отрезали одну голову Бабефа, но на ее месте выросли две Сен-Симон и Фурье»⁴², к этим именам просто необходимо добавить Р. Оуэна (1771-1858). Именно эту тройку обычно выделяют, как классиков утопического социализма, как писал В.И. Ленин: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице

⁴¹ Плеханов Г.В. Анархизм и Социализм. пер. с нем. СПб.: изд. Марии Малых. 1906. С.70

⁴² Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. С.138

немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма».⁴³ Стоит сказать, что ни один из них утопии в ее классическом виде не написал, но в своих многочисленных трудах сумел создать *квази-политическую утопию* социалистического толка. Причем, Фурье и Оуэн совершили одну из первых в той или иной степени успешных попыток воссоздания в реальности той картины общества, кою они вывели в своих трудах. Хотя необходимо указать на некоторое различие двух авторов, так если Фурье не принимал активного участия в создании фаланстеров, а отдавал дело постройки в руки своих последователей. (Фаланстер Петрашевского в России, Бэлэчану в Румынии, Фамилистер Ж.-Б. Годена, колония Брук Фарм или более поздний, но самый знаменитый фаланстер «Улей», созданный А. Буше.) Напротив, Роберт Оуэн сам принялся ковать железо, и в 1825 году покупает в Северной Америке землю, где начинает строить коммуну под названием «Новая Гармония», однако, как и фаланстеры Фурье, так и колония Оуэна оказались нежизнеспособными.

Эти факты чрезвычайно важны для нас, так как демонстрируют одну из отличительных особенностей этого периода, а именно многочисленные попытки овеществить мысли, перенести идею из области трансцендентного в область имманентного. Одну из таких попыток пытался осуществить и Э. Кабе (1788-1865), которого К. Маркс характеризовал как «...самого популярного, хотя и самого поверхностного представителя коммунизма»⁴⁴, подобное отмечает и А. Свентоовский, называя Кабэ скорее агитатором, чем мыслителем. В чем-то оба автора правы, ведь главное произведение Этьена Кабэ «Путешествия в Икарию», по своему стилю и содержанию скорее напоминает нам компиляцию работ XVIII века. Но это нисколько не мешает Этьену Кабе быть одним из самых интересных персонажей той эпохи. Так после знакомства с Р. Оуэном, он из мелкобуржуазного демократа превратился в отчаянного поборника коммунизма, причем с мощным

⁴³ Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма. Полное Собрание Сочинение. Изд. 5 Том 23. М.: Изд. Пол.Лит. 1973. С.43

⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издания второе. Том 2 СССР. М.: изд.полит.лит. 1955.С. 146

«братским» подтекстом: «Икарийский народ — брат всех других народов... Мы образуем, следовательно, народ, или нацию братьев, и все наши законы должны иметь своей целью установление среди нас совершенного равенства, за исключением случаев, когда это равенство невозможно физически»⁴⁵. Что, кстати, отзывается и по наши дни, к примеру, в строчках советского гимна. Кабэ был противником революционного способа достижения своего идеала, намереваясь прийти к нему «плавно», с помощью мирных преобразований, так что не воспринял революции 1848-1849 года или государственный переворот 1851. Кабэизм обрел невероятную популярность среди народных масс, движения дошло до того, что в какой-то момент, а именно в 1847 сам Кабэ в очередной своей статье «Отпор преследованию» объявил лозунг «Идем в Икарию»⁴⁶ чем вызвал невероятный ажиотаж, сотни писем посыпались к нему в редакцию. В 1848 была организована экспедиция в Северную Америку штата Техас с целью создания там «маленькой Икарии», затем еще одна попытка в штате Иллинойс. Все это сопровождалось болезнями переселенцев, многие уезжали обратно в родную Францию, постоянные склоки поселенцев и Кабэ раздирали общину, коммуна также была экономически несостоятельна и убыточна. В 1851 году Кабэ был обвинен в мошенничестве. В 1855 г. изгнан из собственной коммуны, а в 1856 г. вместе со своими сторонниками переехал в Штат Миссури, где и умер. Однако идеи, поднятые, Кабэ существовали еще долго, и много было попыток создать Икарию, вплоть до конца XIX века.⁴⁷ Примечательно, что одна из колоний в Корнинге распалась в 1898 году, но к тому времени она просуществовала уже 46 лет, что сделало ее самым продолжительным экспериментом по созданию нерелигиозной общины в американской истории.⁴⁸

⁴⁵ Кабе Э. Путешествие в Икарию: философский и социальный роман. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1948. С.7,С.17

⁴⁶ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. С.218

⁴⁷ Sutton, Robert P. (1994). *Les Icariens : the utopian dream in Europe and America*. Urbana: University of Illinois Press. и Люкса Г. «Этьен Кабе и икарийский коммунизм»

⁴⁸ Soland, Randall (2017). *Utopian communities of Illinois : heaven on the prairie*. Charleston, SC: History Press P.65

Говоря об утопии Э. Кабэ, нельзя не упомянуть сначала его сторонника, а потом противника Теодора Дезами (1808-1850) и его произведение «Кодекс общности» (1842). Последнее возможно менее красочно описывало идеальное устройство общества, в нем не было ни путешествия, ни сказочных островов, однако оно с такой же уверенностью и мощью предлагало свой идеал. В данной работе не будет в подробностях описан планы Дезами, стоит лишь упомянуть, что многое он перенял у Фурье, и в отличие от Кабэ, предлагавшего мирную трансформацию общества, он вслед за Бебёфом настаивал на немедленной революции.

Не стоит забывать о Вильгельме Вейтлинге (1808-1871), который как Оуэн и Фурье не написал литературной утопии, однако изложил свои утопические идеи относительно коммунистического будущего в работах: «Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть», «Евангелие бедного грешника». Вообще личность В. Вейтлинга довольно примечательна, так как он тоже является переходным персонажем между старой утопией или утопическим социализмом к новой форме утопии, то есть к научному социализму. Точно определить к какому стану он относиться невозможно, однако нам все же кажется, что верным будет его отнесение к предыдущей форме утопии. И не столько из-за мотива, заложенного в его работах, который уже пристально заглядывал в новое время, сколько из-за самой социальной действительности и аморфности пролетарского движения, которому он лишь начал придавать очертание, создав в 1836 году первую коммунистическую организацию немецких рабочих «Союз справедливых». Данная организация, впрочем, позже примет в свои ряды К. Маркса и Ф. Энгельса, и сменит свое название на «Союз коммунистов». К. Маркс, в свою очередь писал об В. Вейтлинге «Что касается степени просвещённости немецких рабочих вообще, или их способности к просвещению, то я напоминаю о гениальных сочинениях

Вейтлинга, которые в теоретическом отношении часто идут даже дальше Прудона, как бы они ни уступали ему в способе изложения».⁴⁹

Здесь же будет уместно упомянуть иных видных политических мыслителей того времени, также склонных у утопизму П.-Ж. Прудоне (1809-1865) и Л.О. Бланки (1805-1881), Л. Блане (1811-1882) отчасти схожих с Вейтлингом с позиции провозвестников новых идей, не написавших утопий. Первого стоит понимать, как главного теоретика анархизма, оказавшего влияние на всю последующую традицию. Второй же предлагает свою уникальную идею социалистического толка с ярко выраженным революционным настроем. Причем многие находят сходства в идеологии бланкизма и большевизма, к примеру, Г.В. Плеханов обвинял в бланкизме большевиков, а Роза Люксембург (1871-1919) в статье «Organizational Questions of the Russian Social Democracy» пишет: «Для Ленина разница между социал-демократией и бланкизмом сводится к тому, что вместо горстки заговорщиков мы имеем сознательный пролетариат».⁵⁰ Л. Блан в свою очередь отметил тем, что написал труд под названием «Организация труда», в котором и изложил свой проект реорганизации общества, а также именно Блан был автором лозунга «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

Стоит перечислить и ряд не очень известных работ, однако довольно примечательных. Во-первых, английский писатель и политический деятель Д.С. Бэкингам, за свою жизнь, не отличившийся какой-либо значимой утопией. Однако он все же создал мало кому известный проект идеального города Victoria, хотя это скорее был план города. В будущем эти идеи найдут свое отражение в проекте Города-сада. Во-вторых, нельзя не сказать об одной из первых феминистских утопий, по крайней мере первой в США, а именно работа Mary Griffith's «Three Hundred Years Hence» (1836). В-третьих, примерно в это время появляется и знаменитая работа М.М. Щербатов «4338-

⁴⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издания второе. Т. 4. С. 443.

⁵⁰ Luxemburg R. Organizational Questions of the Russian Social Democracy

URL:<https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1904/questions-rsd/ch01.htm> (Дата обращения: 16.04.2022)

й год» (1835), хотя это скорее фантастика, чем утопия. Также можно отметить и ««Философическое письмо» (1836) П.Я. Чаадаева, хотя эта работа также мало относится к утопии. Перечислять все изданные в это время утопии, или утопические проекты не имеет особого смысла, потому стоит перейти к закреплению указанных выше характеристик данной эпохи:

1. Происходят метаморфозы в самой форме утопии, так если ранее утопия представляла собой сплав мифического мирозерцания и политической реальности, то в эту эпоху все более усиливается политический аспект. Поэтому утопия постепенно превращается в *квази-политическую утопию*: «Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат ещё находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе, поэтому своё собственное положение ещё фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества».⁵¹

2. Возникает тенденция к реализации утопических проектов, причем масштаб попыток, выходит за рамки всех предыдущих эпох. Итог же для всех коммун был один, а именно или быстрое угасание, или длительная болезненная жизнь и в итоге разрушение. По этому поводу Свентоховский приводит слова неизвестного авторства: «Почти все свободомыслящие общины, -говорит один из старейших американских коммунистов, -были скреплены винтами и легко раскладывались на части...».⁵²

3. Тематика утопий первой половина XIX века представляется как догорание утопического факела, поднятого мыслителями прошлого столетия, отсюда можно вывести и довольно пренебрежительное к ним отношение. К примеру, часто указанных выше авторов приводят как яркий пример «фантазерства», да и в самом термине «утопический социализм» считается пренебрежительная оценка.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Сочинения. Второе издание. Т.4. С. 456.

⁵² Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века.С.245

4. Первая половина XIX века является основанием для грандиозных свершений следующих лет, пограничной ситуацией, когда вроде бы еще живущий духом утопии человек медленно, но верно овеществляет этот порыв. Именно такими людьми представляются В. Вейтлинг, Л. Бланки, П.Ж. Прудон, Л. Блан, О. Конт и др., создававшие свои проекты в это время, даже не зная, что их мысли послужат для будущих реформаторов. Данную мысль подтверждает еще то, что именно в это время, К. Маркс познакомился с П.Ж. Прудоном, М.А. Бакуниным, Ф. Энгельсом.

5. Чисто литературная утопия теряет свои позиции, что отчасти связано с пресыщением этим жанром в XVIII веке, отчасти с описанным выше усилением политического дискурса в утопических поисках.

Все приведенные характеристик и должны указывать нам на скорую, если уже не свершившуюся кончину классической утопии. И, нет, люди не начинают меньше мечтать, но сама структура их мечтаний и надежд меняется, само устройство социума подвергается переделке, и утопия медленно, но верно шагает следом. Данная эпоха с философской точки зрения заканчивается со смертью Гегеля в 1831, потому как с ним подошел к концу период классической философии. В то же время с исторически первая половина XIX века завершается революциями в Европе 1848-1849 или «Весной народов», но окончательная точка была поставлена уже К. Марксом и Ф. Энгельсом, когда в 1848 году они составили «Манифест коммунистической партии».

§2. Вторая половина XIX века: формирование «научной» утопии.

Вторая половина XIX века — это прорыв, что знаменуется масштабными изменениями в жизни всего человечества, которые также затронули и утопический дискурс. Поэтому кажется важным для начала вести читателя в контекст той эпохи, чтобы лучше уразуметь утопические перемены, описывая которые М. Ласки писал: «Апокалиптики порвали с пророками, и с этого момента и утопия, и революция перестали быть тем, чем они были прежде».⁵³ Можно сколь угодно долго перечислять достижения XIX века, однако попытаемся вкратце обрисовать картину, отметив наиболее важные события для данного исследования:

Во-первых, философское поле деятельности наполняется огромным количеством новых идей. Ввиду окончания классического периода со смертью Гегеля в 1831, появляется необходимость замены, постановки новой парадигмы и установление иной соразмерности мира и человека. Хотя стоит сделать отступление и сказать, что многие из тех, кто будет перечислен, жили и творили в первой половине XIX века, однако по своему духу, по революционному характеру своих идей, они явно шагнули через десятилетия. Это были вульгарные материалисты - Л. Бюхнер (1824-1899), К. Фохт (1817-1895), Я. Мошотт (1822-1893); экзистенциалист С. Кьеркегор (1813-1855). Философия бессознательного Э. фон Гартмана (1842-1906), философия «как если бы» Г. Файхингера (1852-1933); феноменология Ф. Brentano (1838-1917), а позже Э. Гуссерля (1859-1938); философия жизни Ф. Ницше (1844-1900), диалектический материализм, неокантианство, философская антропология, герменевтика и др.

Во-вторых, на свет появляется новая форма науки и учёности, значительно изменившаяся со временем Нового Времени. Предпосылки к таким переменам задал еще О. Конт, как первый кто обосновал позитивизм, как цельную идею. Последний начинает завоевывать популярность. Массы

⁵³ Ласки М. Утопия и Революция. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.182

начинают верить в мощь науки, способно перекроить природу. Соответственно вера в мощь науки подогревается техническими достижениями второй половины XIX века, перечислим несколько: гироскоп, динамит, подводные аппараты, радиотелеграф, электросварка, ДВС, граммофон и т.д.

В-третьих, в политическом поле получают свое развитие и цельное представление идеи социализма, коммунизма, анархизма и т.п. Все это происходит параллельно с масштабными событиями действительности: Отмена крепостного права в Российской Империи (1861), Гражданская война в Северной Америке (1861-1865), Завершение периода Японской изоляции (1641-1853), Крымская война (1853-1856), Рисорджименто (1849), Образование Германского Рейха (1871) и др.

Какие же изменения произошли в утопическом дискурсе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо четко осознавать, что продолжает происходить процесс перехода утопического в политическое и утопия фиксирует свою новую форму, как *квази-политическая утопия*. Потому и изучать утопию этого времени без привязки и к политическому нельзя, да и попросту невозможно. Задача будет состоять в том, чтобы доказать, что политические проекты второй половины XIX века, это во многом проекты утопические. Стоит сделать отступление и сказать, что в этот век чисто литературных утопий будет еще много, а иногда нам будут встречаться работы, характер коих скорее отсылает к прошлым столетиям.

Итак, приступим к задаче, и первым на переработку попадет самый значительный политический проект второй половины XIX века под общим названием Марксизм. Задача будет состоять в том, чтобы попытаться обосновать, почему он является *квази-политической утопией*. Хотя трудно будет одним словом обозначить все идеи, предложенные К. Марксом и Ф. Энгельсом, так как они по существу дела примерили и сгладили многие углы в отношении социализма, коммунизма, социал-демократии, и именно

поэтому предлагается, обозначить их более поздним термином теория марксизма или просто Марксизм.

Итак, в 1880 году Ф. Энгельс издает брошюру под названием «Социализм: утопический и научный», а в американском издании 1895 года заглавие было переведено так: «Развитие социализма от утопии к науке». Уже в названии прослеживается претензия автора на научность, предложенной им и К. Марксом идеи, а, следовательно, на утопичность и бездоказательность прошлых изысканий. В подтверждение приведем несколько цитат: «Но в этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества.... Поэтому и положения эти имеют ещё совершенно утопический характер»⁵⁴, «Поэтому я не стою за то, чтобы мы водрузили какое-нибудь догматическое знамя. Наоборот, мы должны стараться помочь догматикам уяснить себе смысл их собственных положений. Так, догматической абстракцией является в особенности коммунизм, причём я имею в виду не какой-либо воображаемый и возможный коммунизм, а действительно существующий коммунизм, в той форме, как его проповедуют Кабе, Дезами, Вейтлинг и т.д. ...а совершенно неизбежно рядом с коммунизмом появились другие социалистические учения, как, например, учения Фурье, Прудона и т. д., — потому что сам он представляет собой только особое, одностороннее осуществление социалистического принципа».⁵⁵ Я не берусь доказывать обратное, что Кабэ, Дезами, Фурье и другие не были догматизмами и утопистами, лишь пытаюсь обосновать, что сам Маркс недалеко ушел от них.

Фундамент научного социализма во многом держится на созданной Марксом теории материалистического понимания диалектического развития истории и теории классовой борьбы, как главной движущей силы исторического процесса. Предложенная детерминированность истории, в том

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Второе издание. Т.4. С. 456.

⁵⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 1. С. 379

числе и экономическая, должна по мысли создателя обосновывать смену исторических формаций, а, следовательно, и приход коммунизма, как окончательной фазы исторического процесса. Эта идея есть вообще грандиозное достижение марксистской мысли, и во многом именно здесь проходит граница между старой и новой утопией, тем самым сама утопия «вписывалась» в реальность, раскрывая скобки истории: «Основанный Карломъ Марксомъ демократическій социализмъ мотивируетъ свои претензіи на научность тѣмъ соображеніемъ, что онъ возникновеніе новаго экономическаго строя не ставитъ въ зависимость отъ воли человѣка, а объявляетъ естественно необходимымъ слѣдствіемъ развитія экономическихъ отношеній. Этимъ и долженъ отличаться такъ называемый научный социализмъ отъ ненаучнаго утопизма, бывшаго лишь выдумкой».⁵⁶ Детерминированность была необходима еще и в силу социальных изменений, ведь на утопическую сцену выходят теперь партии, кои нуждаются в планировании своих действия, распределении больших человеческих и финансовых ресурсов, а потому и в конкретной цели, здесь уже нет места мелким сектам и одиночкам, стремящимся внезапным ударом перевернуть маховик истории. Это социально-политический факт, кстати, стал во многом определяющим в проигрыше анархистских движений, о чем будет сказано ниже.

Но в то же время наличие окончательной фазы развития ломает логику предыдущего движения, снимая при этом всю детерминированность, и возвращает нас к догматизму просвещенцев утопистов. Теория, старающаяся вписаться в посюсторонность социально-исторической жизни, с необходимостью нуждается в локализации целей, но это и делает ее утопичной. Поэтому верны слова Фойгта: «Вѣра въ радикальное измѣненіе экономическаго строя остается утопией, какимъ бы темномъ и какими бы

⁵⁶ Фойгт А. Социальные Утопии. под ред. П.И. Броунова и В.А. Фаусека. пере. с нем. В.Ф. СПб: изд. Брокгаузъ-Ефронъ.1906. С. 89

силами ни думали его произвести».⁵⁷ Остается, также, не понятен механизм достижения нового экономического строя, и почему перемена произойдет именно в форме описываемой Марксом. Последний и правда отличился от утопистов прошлых и приблизил свою теорию к реальному миру политики, тем, что заявил, что лишь сила, причем огромная и организованная сила определенного класса общества может изменить мир, но, к сожалению, никак не обосновал почему же мир изменится именно в предлагаемом им ключе? Нет доказательств, что армия рабочих и крестьян захочет менять общество в коммунистическом духе: «Быть-может, известное общественное устройство вообще невозможно вследствие природы человека, и потому всегда останется утопическим?»⁵⁸

Идея детерминированности слаба и в своем предсказательном аспекте. Безусловно, можно доказать, и Маркс сделал это, что человечество медленно движется в сторону социализма, на что указывает развитие промышленности, деятельность коммун и профсоюзов, предприятия укрупняются и т.п. Но проблема состоит не в этом, но в следствии: марксизм не как не обосновывает того, что этот процесс достигнет своей цели, а он и не может, ведь никому не под силу заглянуть в будущее. Не раз бывало так в мировой истории, что вроде бы главенствующая тенденция вдруг меняла свой курс, по причине внешних или внутренних неурядиц. Не бывало ли такого, что в одной части земного шара властвуют полярные друг другу силы? Разве не каждое действие имеет противодействие, перефразируя А. Фойгта, зададим вопрос, а почему тогда деревья не растут до небес? Так с какой стати, марксизм заявляет о неминуемом достижении социализма, а далее коммунизма, ведь недостаточно лишь предоставить и доказать наличие перспективы развития, необходимо обрисовать ее границы и возможные силы противодействия. Остается лишь один ответ – Карл Маркс по существу создал теорию с позиции утопии, ведь лишь она способна ставить точки в

⁵⁷ Фойгт А. Социальные Утопии. С. 89

⁵⁸ Фойгт А. Социальные Утопии. С. 90

истории. Потому и кажется уместным охарактеризовать его работу как *квази-политическую утопию*, вот как об этом пишет Мангейм: «Социалистическое мышление, разоблачавшее до сих пор все утопии своих противников как идеологии, не применило, правда, эту идею обусловленности к себе, не обратило этот релятивизирующий метод против присущих ему самогипостазирования и самоабсолютизации».⁵⁹

Как мне кажется вышеперечисленного достаточно, чтобы усомниться в научности марксизма, и ему причастных теорий, и помнить, что «...не следует возводить непроходимую стену между марксизмом и утопией»⁶⁰. Поэтому необходимо перейти к следующему движению той эпохи, а именно к анархизму.

Проводить анализ анархизма с утопической точки зрения, представляется невозможной задачей ввиду огромного множества направлений данного течения, однако здесь будет рассмотрен вариант коллективистского анархизма (анархо-социализм М.А.Бакунина (1814-1875), И.Мост (1846-1906), анархо-коммунизм П.А. Кропоткина (1842-1921), Ж. Граве (1854-1939)). Как уже было упомянуто ранее анархизм придерживается хилиастического утопизма, и является его духовным наследником, в смысле идеи идеального устройства общества. Причем такое устройства с оговорками так же, как и тысячелетнее царство наступит «следующим утром», то есть не будет процесса развития, а лишь единичный и мгновенный прорыв к идеалу. В общем целом остается только согласиться с Мангеймом, который обозначил идейную смерть анархизма: «Решающим моментом в истории современного хилиастического мироощущения была борьба между Марксом и Бакуниным, в ходе которой с хилиастическим утопизмом было покончено...».⁶¹ И действительно анархисты не смогли придать необходимой детерминированности своей теории, оставив при ней архетипический образ

⁵⁹ Мангейм К. Идеология и Утопия. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.160

⁶⁰ Шацкий Е. Утопия и Традиция. ред. В.А. Чаликова. изд. Прогресс М.: 1990. С.40

⁶¹ Мангейм К. Идеология и Утопия. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.154

достижимого рая. Они не осознали того факта, что идея мгновенного счастья исчезает с социально-политической арены, ее место уже занято детерминистским мирозерцанием. Однако, дабы еще более убедительно показать утопичность коллективистского анархизма, давайте обратимся к работе Г.В. Плеханова «Анархизм и Социализм», в которой он и вовсе обрисовывает всю парадоксальность и бессмысленность этого движения, низводя его на уровень ниже утопии, на уровень бредней, называя их «утопистами упадка». Бессмысленность же анархизма, по мнению автора проявляется в тактике их действий, вернее в ее отсутствии: «Словом: во имя революции анархисты служат делу реакции; во имя нравственности они одобряют самые безнравственные действия, во имя индивидуальной свободы они попирают ногами все права своих ближних»⁶².

В целом всю традицию социалистической мысли ёмко описывает В. Чаликова, цитируя Ежи Шацкого: «...Исследователь Е. Шацкий пишет, что, когда Энгельс называл утопию «интеллектуальной спекуляцией» и противопоставлял ее революционной теории, он не ставил своей задачей исчерпывающе охарактеризовать утопическое мышление, а лишь определял направление развития социалистической мысли, история которой в определенном смысле проходит между двумя крайностями: между ревизионистским принципом «движение — все, конечная цель — ничто» и «утопическим стремлением к конечной цели без учета реальных возможностей и нужд этого движения»⁶³. Как раз суть дела и заключается в том, что ни одна социалистическая теория не смогла постоянно балансировать между двумя точками своего притяжения, постоянно скатываясь то в одну сторону, то в другую.

Перед тем как перейти к утопиям иного толка перечислим несколько утопий социалистического толка, близких к классическим по своей форме.

⁶² Плеханов Г.В. Анархизм и Социализм 1906

⁶³ В. Чаликова Настоящее и будущее сквозь призму утопии. Москва, ИНИОН, «Современные буржуазные теории общественного развития», 1984 URL: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html#ftnref50> (Дата обращения: 08.04.2022)

Это и Эрнест Гарбури «La Cité Future: Essai d'Une Utopie Scientifique» (1902), Ж. Граве «Будущее Общества» (1895), Э. Беллами «Через сто лет» (1888); работа У. Морриса «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» (1890) написана в ответ на работу Э. Беллами, и потому отчасти имеет пародийный характер.

Стоит отдельно отметить работу Беллами, в которой он умело, соединил жанр классической утопии и фантастики. Конечно, он сделал это не первым, вспомним, к примеру, произведение Э. Булвер-Литтона «Грядущая Раса» (1871) или Джона Макни «The Diothas or, A Far Look Ahead» (1883), но именно работа Беллами сильно сблизила эти два жанра, создав в будущем целое поле литературных проблем.

Конечно, стоит отметить и весьма специфические утопии, которые отошли от социалистического духа той эпохи, и здесь возникают работы Т. Герцки «Фриландия» (1890) и Т. Герцля «Обновленная земля» (1902). Утопия Герцки вообще мало чем, примечательна, и выделяется лишь двумя вещами: во-первых, своим отчасти антисоциалистическим мотивом, в том смысле, что он в отличие от многих не предлагается уничтожить частную собственность или предпринимательство, но в то же время капитал, или бюджет был бы общий для всех собственников. Во-вторых, сам стиль произведения намекает нам опять же на превращение утопии в *квази-политическую утопию*, так как Герцка сухо и прямо представляет нам план по созданию нового Государства, да так хорошо его описывает, что начинают возникать фриландские общества, и даже была организована экспедиция в Восточную Африку с целью основания там колонии. Как пишет Свентоховский: «Это промышленно-торговая фантазия, основанная на экономических книгах, сотканная из цифр, которые придают ей вид точности и силы».⁶⁴

Однако работа Теодора Герцки вдохновило уже поистине важного и оригинального утопического автора Т. Герцля, основателя Всемирной сионистской организации и автора утопии «Обновленная земля», лейтмотивом,

⁶⁴ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. С.342

которой стало создание суверенного Еврейского государства. Некоторые даже считают, что современные кибуцы есть некое отображение идей Герцля. Также примечательным и необычным для утопического жанра будет произведение Говарда Эбенизера «Города-сады будущего» (1898), в который он предложил проект идеального устройства городской среды, собственно сам Эбенизер и стал основателем до сих пор существующей концепции города-сада. Продолжают появляться работы, феминистического толка, к примеру, Элизабет Корбет «New Amazonia: A Foretaste of the Future» (1889). В конце упомянем произведение Уильяма Делиль Хея «Триста лет Следовательно, или, Голос из потомства (1881)». Автор, представленной работы, отличился тем, что идеальность существующего мира во многом достигается уничтожением всех рас, кроме белых. На этом, пожалуй, заканчивается вся «примечательность» его работы.

На этом стоит закончить перечисление утопических работ, хотя, безусловно, остается еще множество произведений, о которых не было сказано ни слова. Так, к примеру, в США только за период с 1887 по 1900 было написано более 50 утопий.⁶⁵

В конец же необходимо дать характеристику рассматриваемому периоду. Во-первых, в данную эпоху происходит коренной перелом в утопическом дискурсе, утопия становится все более обусловленной социально-политическими тенденциями, что позволяет ей вписаться в действительную реальность общества, и полностью принимает форму *квази-политической утопии*. Однако политическое настолько сильно поглотило утопическое, что можно говорить о начале процесса перехода утопии из формы *квази-политической утопии*, в форму *квази-утопической политики*. Вот как это описывает К. Маннгейм: «Постепенно ослабление утопической интенсивности наблюдается и в другом важном направлении: каждая конституировавшаяся на новой ступени развития утопия оказывается все

⁶⁵ Вечер в 2217 году. Русская Литературная Утопия / Серия: Утопия и антиутопия XX века. / сост., авт. Предисл. И коммент. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1990 С.10

более близкой социально-историческому процессу. Ведь идея либеральная, социалистическая, консервативная — не что иное, как различные ступени (но вместе с тем и противостоящие друг другу формы) этого процесса, все более отходящего от хилиастического сознания и все более приближающегося к мирским делам».⁶⁶

Во-вторых, все выше перечисленные изменения отражаются в литературной форме утопии, которая в своей массе окончательно порвала с классическим видом полуфантастического романа, превратившись в подобие политического плана или программы некой партии. Хотя, безусловно, еще встречаются более-менее близкие к классической утопии работы.

В-третьих, в литературном плане жанр утопии скрепляется с новорожденной фантастикой, которые рука об руку пройдут почти весь XX век, что создаст множество искаженных трактовок утопии, как подкласса фантастики. Это также повлияет и на содержательную часть утопической литературы, так как авторы будут все чаще помещать свой мир в фантастические декорации.

В-четвертых, утопия вступает в конфликт с наукой, превращаясь в «опасные», «бесплодные», «незрелые» фантазии предшественников. В этом направлении, как уже было сказано, особенно потрудился Ф. Энгельс, по этому поводу Маравалль пишет: «Распространение — справа и слева — отрицательного отношения к утопии привело, по признанию самого Нойзюса, к тому, что некоторые исследователи стали сводить ее к чисто художественному, романному жанру».⁶⁷ Хотя позже К. Каутский в работе «Томас Мор и его утопия» (1924) предложит пересмотреть классический марксистский взгляд на утопию. Вообще теме соотношения утопии и науки будет посвящен отдельный параграф во второй части работы.

⁶⁶ Мангейм К. Идеология и Утопия. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.159

⁶⁷ Маравалль Х. Утопия и Реформизм. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.220

Однако на горизонте уже виднеются мощные идеологические нарративы, базис которым заложили именно утопии второй половины XIX и начала XX века, поэтому необходимо двигаться дальше.

§3. Негативная утопия: Антиутопия и Дистопия XX-го века. Анализ антиутопии и дистопий XX века, стоит начать с проведения границы между этими терминами. Существует множество методов различения, к примеру вариант, при котором термин негативная утопия разделяется на поджанры псевдоутопии и дистопии, или же наоборот, некоторые исследователи настаивают на тождественности антиутопии и дистопии. В данной же работе будет использован вариант В. Чаликовой: «Что ненавистно автору: миф о будущем рае и сам этот рай как враждебный личности (антиутопия), или сегодняшней ад, который может продолжиться и усилиться в будущем (дистопия)».⁶⁸

То есть задумка антиутопии состоит в том, чтобы опорочить, исказить сам идею утопического идеала, тем самым антиутопия имеет своей целью прямую дискредитацию конкретного утопического проекта. Дистопия же направлена на действительность, с помощью гиперболизации она доводит текущие социальные институты и отношения до крайних форм враждебности и рабства, ее мало волнует сам миф идеальности, или конкретная утопия, ей важно показать опасность реального. Оба эти жанра пользуются различными средствами для достижения поставленной цели, одним из основных оружий, конечно, является сатира, потому даже возник термин «сатирическая утопия». Вследствие такого деления, возникает важная проблема классификации негативной утопии, какое произведение отнести к антиутопии, а какое к дистопии. В данной работе не будет представлено такое деление, в силу нескольких причин: во-первых, не устоявшейся терминологии, а значит и не возможности найти истинный критерий; во-вторых, ввиду многогранности произведений, так что в разных частях, их можно по-разному оценить; и в-

⁶⁸ Чаликова В. Утопия рождается из утопии. Лондон. Overseas Publications Interchange Ltd.1992 С.90

третьих, неизвестен мотив автора, а без него невозможно понять цель утопии, а значит и класс, к которому ее отнести. Поэтому остается лишь сухое перечисление негативных утопий XX века, а уже далее раскрытие особенностей всего утопического дискурса этого периода.

Перед тем, как перейти непосредственно к выполнению задачи, необходимо сказать, что негативная утопия существовала в той или иной форме еще задолго до Замятина, Хаксли и им подобным. Ее черты можно обнаружить в комедии Аристофана «Женщины в народном Собрании», в работах: Джозефа Холла *Mundus alter et idem* («Мир иной и тот же самый») (1605), Дж. Свифта «Путешествии Гулливера», М. Хераскова «Кадм и Гармония» (1787), Т. Пиков «Melincourt», М. Шелли «Последний человек» (1826), Э. Сувестра «Мир, каким он станет» (1846), и т.д. Все эти произведения может и содержат элементы негативной утопии, но мотив уничтожения утопии или дискредитации настоящего не выявился на все 100%, не стал *magnit opus* автора. Потому верным будет не относиться их напрямую к негативной утопии.

Жанр негативной утопии мог появиться лишь в XX веке, со всеми его перипетиями и трагедиями, лишь в это время открывается ужасающая сторона жизни, а сумасшедшие утописты принимаются за свое дело, имея силы, тысячекратно превосходящие их предшественников в XVIII-XIX веках. Мир меняет свою ориентацию, и переворачивает вещи и идеалы, старая Европа постепенно умирает, а нечто что должно прийти ей на замену, еще не найдено. В такой гнетущей атмосфере и возникают почти одновременно первые негативные утопии это — Г. Уэллс «Когда Спящий проснётся» (1899 и переписанный в 1910), Э.М. Форстер «Машина останавливается» (1909); В.Я. Брюсов «Республика Южного Креста» (1904—1905), Николай Федоров «Вечер в 2217 году» (1906), Э. Хэмбрук «Красное завтра» (1920), Е. Замятин «Мы» (1920); А. Платонов трилогия «Чевенгур» (1926-1928) «Котлован» (1930), М.Я. Козырев «Ленинград» (1925), С. Батлер «Возвращение в Едгин» (1901) и др.

Это были первые негативные утопии XX века. «Атаковали» они разные идеалы и идеологии: фашизм, социализм и коммунизм, механистичность общества, расизм. Можно конечно выделить негативные утопии «желтой угрозы», но все произведения этого жанра будь то С. О'Грэйди «Королева мира» (1900) или М. Шил «Жёлтая угроза» (1898) и «Жёлтая волна» (1905), скорее походят на просто романы. Однако уже здесь прослеживается важная черта утопического дискурса XX века, а именно почти все утопии находятся в фантастичных декорациях, фантастика, будто вовсе поглотила утопическое. Лихорадка негативной утопии не заканчивалась, так что стоит перечислить еще несколько значимых негативных утопий более позднего периода — О. Хаксли «1984» (1932), К. Чапек «Война с Саламандрами» (1936), С. Льюис «У нас это невозможно» (1935); К. Бурдекин «Ночь Свастики» (1937), В.В. Набоков «Под знаком незаконнорожденных» (1947); Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (1953), К.Воннегут «Утопия 14» (1952), М. Янг «Возвышение меритократии 1870-2033» (1958); сочинения А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века» (1964); Э. Бёрджесс «Вождедеющее семя» (1962), И.А. Ефремов «Час Быка» (1970), В. Н. Войнович «Москва 2042» (1982); М. Этвуд «Рассказ Служанки» (1985), Р.Харрис «Человек в высоком замке» (1992). Работ, схожих с выше перечисленными, сотни, если не тысячи. Они по-разному соотносятся с утопическим дискурсом. Их можно определять, как антиутопию или дистопию, как сатиру или фантастику, но все же нечто утопическое в каждом из них есть. Также стоит отметить, что жанр фантастики глубоко проник в содержание утопии, да так что почти каждая утопическая работа XX века, была написана в фантастических декорациях.

Отмечая особенности отдельных работ, обратимся к роману Б.Ф. Скиннера «Уолден-2». Он интересен потому, что поднимает одну из важных проблем в соотношении позитивной и негативной утопии, а именно проблему восприятия или оценки идеала. Ведь по существу дела, принимаем мы какую-то работу за позитивную утопию, или считаем ее антиутопией,

дистопией, зависит лишь от нашего отношения к выстроенному автором миру: «Как указывает Сарджент, это очень сложный вопрос, становящийся острым, когда мировоззрение читателя не совпадает с мировоззрением автора. "Скиннер считает "Уолден 2" хорошим обществом, а я не уверен в этом. Большинство моих студентов ужасает мир, изображенный Беллами, а Беллами он нравится"». ⁶⁹ Роман Скиннера еще сильнее поднимает эту амбивалентность утопического, особенно если знать, что после выхода работы, многие американцы пытались воссоздать его общество. О схожей проблеме пишет Г. Морсон: «...эссе о новоязе в "1984" Оруэлла воспринимается и в перспективе утопических проектов универсального, однозначного языка, и в плане антиутопических пародий на утопические языки». ⁷⁰

В связи с таким наплывом антиутопичности, особенно интересной становится интенция Э. Тоффлера, в своей работе «Шок будущего», изданной в 1970-ом, он обращается с таким призывом: «Сегодня нам нужны мощные новые утопические и антиутопические концепции, которые смотрят вперед, на сверхиндустриализм, а не назад, на более простые общества. Однако эти концепции больше нельзя создавать старым способом.... Следовательно, нам нужна революция в производстве утопий: коллективный утопизм. Нам нужно создать «фабрики утопий»» ⁷¹. Не ясно правда, подразумевает ли автор и отдельную фабрику для антиутопий. Однако он развивает мысль, говоря, что нужно собрать по одному представителю от каждой науки, чтобы они совместно творили утопию будущего. Схожие идеи выдвигала и Маргарет Мид, предлагая создать в университетах кафедры будущего, и приступить к изучению. Сам этот мотив, показывает общий утопический всплеск XX-го столетия.

Очередной линией развития утопии в XX веке, становится дело выстраивания исторической линии, или круга, такие работы имеют, может и

⁶⁹Чаликова В. Утопия рождается из утопии. С.90

⁷⁰Морсон Г. Границы жанра. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы.С.235

⁷¹ Тоффлер Э. Шок будущего М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.С.508

мало сходства с утопиями, но в них прослеживается стремление к утопическому преодолению исторического времени. К авторам такой направленности можно отнести: А. Тойнби (1889-1975), К. Ясперса (1883-1969), Т. де Шардена (1881-1955).

В то же время не стоит отчаиваться, хотя XX век есть век негативной утопии, но это лишь на поверхности, позитивные утопии продолжали выходить, и их было совсем не мало. К примеру, В.П. Шестаков пишет: «...в Англии в первой половине XX века появилось около 300 утопий, десятки утопий были созданы в начале века в Германии».⁷² Стоит только вспомнить утопию Г. Уэллса «Современная Утопия» (1905). Русские авторы, тоже не остались в стороне, давайте вспомним хотя бы работы: Я. М. Окунев «Грядущий мир: 1923—2123» (1923), А.А. Богданов «Красная звезда» (1908), А.Чаянов: «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), И. Ефремов «Туманность Андромеды» (1955-1956) и т.д.

В связи с этим, уместно будет упомянуть работу Г. Маркузе (1898-1979) «Конец утопии» (1967). В середине столетия этот замечательный философ указал нам на то, что человечество уже владеет всеми средствами, чтобы закончить историю, ведь конец утопии и означает конец всего исторического: «Наличествуют все материальные и интеллектуальные силы, которые могут быть использованы при создании свободного общества, а то, что они не используются для достижения этой цели, объясняется тотальной мобилизацией существующего общества против собственного потенциала освобождения. Но подобная ситуация никоим образом не делает утопичной саму идею коренного преобразования».⁷³ В основу качественного скачка Маркузе заложил понятие «эстетического», которое, по его мнению, лучше всего описывает возможное будущее, когда сблизятся понятия работы и игры, технологии и искусства.

⁷² Вечер в 2217 году. Русская Литературная. С.10

⁷³ Г. Маркузе Конец Утопии URL: https://sceptis.net/library/id_2671.html (Дата обращения: 03.03.2022)

В целом XX век был переломным в истории утопического, так как показал обратную сторону утопии, при этом слабо раскрытую. И в то же время продолжилось «производство» самих утопий. Но последние отчасти изменили свою форму, к описанию чего и следует перейти.

§4. Политизация *утопического* и *Практопия*. Но необходимо отметить изменение в ином аспекте, а именно в форме утопического дискурса. Если раньше можно было говорить о *квази-политической утопии*, то есть об утопии, которая в дискурс которой вписывалось политическое, то XX век меняет полярность этого отношения. Отныне политика начинает главенствовать в утопической сфере, и можно с уверенностью заявить о переходе к *квази-утопической политике*, в особенности во второй половине XX века. Это состояние отлично описывает В. Чаликова: «политическая теория на противоречащем ее содержанию анахроническом языке утопии.»⁷⁴. В связи с этим возникает проблема соотношения идеологии и утопии, на фоне того, что форма *квази-политических утопий* XIX века почти исчезла, а на смену ей пришел проект *квази-утопической политики*. В то же время литературная утопия вроде бы взяла исторический реванш в виде негативной утопии, но все оставалась лишь рецепцией на идеологические структуры. Потому возникает вопрос, что есть идеология-это форма утопии или это нечто ей противостоящее? Это в свою очередь связано с процессом, начавшимся еще задолго до описываемых событий, а именно битвой между утопическими концептами, которая в XX веке обретает новую форму в сражении идеологий, что отражается в многочисленных войнах. Вот как это описывает К. Маннгейм в работе «Идеология и Утопия» (1929): «Этот уже в силу собственной динамики достаточно быстрый процесс ускоряется и интенсифицируется еще и благодаря тому, что различные, одновременно существующие формы утопического сознания уничтожают друг друга во

⁷⁴ В. Чаликова Настоящее и будущее сквозь призму утопии\ URL: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html#ftnref50>. (Дата обращения: 08.04.2022)

взаимной борьбе... Однако свойством современной борьбы является то, что уничтожение противника совершается отнюдь не с утопических позиций — это наиболее ярко проявляется в разоблачении идеологии противника социалистами».⁷⁵ Однако, столь обширная проблема будет рассмотрена нами в отдельной главе.

Политизация утопии приводит к возникновению феномена *практопии*, этот термин был введен Элвином Тоффлером. В. Чаликова описывала это так: «Речь идет о замене исконной утопической формулы «прекрасного нового мира» компромиссной формулой «мира лучшего, чем наш» или полуапокалиптической формулой «мира, который выживет». Речь идет о включении конфликта, напряжения, страдания, агрессии в картину будущего». ⁷⁶ Однако оценка этого феномена сводится к простому изживанию утопии, практопия это попытка одиночек избавиться от всего утопического в собственных же теориях, или спрятать это утопическое за завесой «негативных явлений». Но их ошибка была в том, что нельзя избежать утопии, просто введя в своей проект «негативность». Ведь никто не заявлял, ни Мор, ни Фурье, ни Кабэ и т.д., что в их новом мире, не будет болезней, голода и страданий. Смысл утопии не в этом, а в самой идеальной перспективе. К практопиям, можно отнести концепции: Э. Тоффлера (1928-2016), Д. Белла(1919-2011), Л. Мэмфорда(1895-1990), Т. Фотопулос (1940-н.в.), Ю.Хабермаса(1929-н.в.), З. Бжезинского(1928-2017) и др.

Будет ошибкой не рассказать о работе П.И. Новгородцева (1866-1924) «Об общественном идеале» (1919), он интересует нас потому, что в ней был предложено оригинальное развитие утопического, выдвинут иной метод эволюции человечества. Первым делом автор отказывается от утопии, говоря, что ее время вышло, так что стоит отказаться от веры в окончательное решение какого-либо вопроса. Однако не столько интересен сам образ

⁷⁵ Мангейм К.Идеология и Утопия. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы.С.160

⁷⁶ В. Чаликова Настоящее и будущее сквозь призму утопии. URL: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html#ftnref50>.(Дата обращения: 08.04.2022)

общественного идеала Новгородцева, так как теоретически в его основу может быть положена любая категория близкая тому или иному автору, сколько сам метод его достижение, само существо этой идеи. Идея понимания общественного идеала, как чего-то одновременно имманентного нам, но с другой стороны никогда не достижимого и пребывающего в бесконечности. И потому необходимо постоянно трудиться и реализовывать его, зная, что не достичь его невозможно — это есть идея, снимающие многие преграды и проблемы утопии, и ее принятие, в независимости от наполнения идеала, сможет открыть перед нами новое будущее: «Не земной рай, как вечная награда за употребленные ранее усилия, а неустанный труд, как долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели, — вот что, с этой точки зрения, должно быть задачей общественного прогресса».⁷⁷

В целом XX век открыл новую главу в утопическом дискурсе: расширение масштабов утопической деятельности, индетерминированность утопического жанра и усложняющаяся структура утопической экспрессии, приводят нас к мысли о том, что границы утопии значительно расширяются. Отметим два основных изменения:

Во-первых, в литературном плане, происходит ряд изменений. Негативная утопия становится цельным и устоявшимся жанром, количество работ, написанных, в духе антиутопии и дистопии растет с каждым годом. Это позволило почти, что окончательно укоренить за утопией прозвище «опасной фантазии», а утопистов «оклеймить сумасшедшими», чему во многом поспособствовал К. Поппер, так что, можно считать, что работа Ф. Энгельса была закончена. В том числе утопическая литература XX века, сливается с жанром фантастики, и с тех пор становится трудно, отличить одного от другого, а классические утопические сюжеты «острова и путешественника» исчезают, наверно навсегда.

⁷⁷ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Составление, подготовка текста, вступительная статья А. В. Соболева. М.: Издательство «Пресса», 1991 С.47

Во-вторых, *квази-политический утопия* заменяется *квази-утопической политикой*. Так, что утопия начинает постепенно исчезать в политическом дискурсе. В связи с этим возникает проблема идеологических структур, который полностью переворачивает картину утопического дискурса, происходит «*политизация утопического*», рождающая «*практопию*». Утопии продолжают существовать в форме политических проектов и практопий различного толка, присутствия также в книгах о текущей действительности с критикой современности и предсказаниями будущего и т.д.

Раздел II: УТОПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Глава I. Утопия XXI века или Эпоха Панутопизма

§1. Сущность и форма современной утопии. Ответ на вопрос, чем является современность, есть задача столь необходимая, сколь и невыполнимая. Предпринять такую попытку значит попасть в логический круг, так как лишь ответив на этот вопрос, можно осмыслить его же содержание. Можно говорить и о технологическом прогрессе, и о приближающемся мировом кризисе, все это частности, за которыми трудно разглядеть общую картину. Так что не стоит пытаться установить соразмерность мира и человека в XXI веке. Однако, что действительно возможно, так это взглянуть на сегодняшнюю утопию, чему и будет посвящен данный параграф.

Чтобы добраться до современной утопии, необходимо понять, что почву будущим изменениям заложил XX век. Такие события как: полная детерминации утопии историческим процессом, привязка ее к реальности, возникновение идеологических структур, смерть утописта-одиночки, разрушение целостных миров до партийных программ, деструкции духовных элементов культуры, победа научного мировоззрения, возникновение феномена масс и общества потребления, и наконец, полный переход к *квази-*

утопической политике, то есть завершение процесса политизации утопии. Все эти события потрясли мир, Дж. Шклар, К. Маннгейм и исследователи уже в середине прошлого столетия фиксировали смерть утопии. Однако никуда утопия не исчезла, да и такого в целом не может быть, ведь сотворение образов идеального будущего, сама идея мечты есть исконная черта человеческого духа, и невозможно избавиться от них не уничтожив природу человека. На опасность такого действия указывал и К.Маннгейм: «Исчезновение утопии создаст статичную вещность, в которой человек и сам превратится в вещь... с исчезновением всех возможных форм утопии утратит волю к созданию истории и способность понимать ее».⁷⁸

Так что же произошло с формой утопии — после полного поглощения утопии политикой, продолжился процесс «распада» утопии, так что она все более и более стала теряться из виду, распадаясь на утопические элементы. Так если прошлые работы представлялись целокупными корпусами правил, руководством к раю, а позже политическим программами, то современная утопия отбросила единство, и распалась на тысячи осколков. Так, что под силу фиксировать не смерть утопии, а лишь полную ее хаотичность, так что в отсутствии формы и заключатся форма современной утопии, которая сливается со всеми аспектами человеческого бытия, образуя тем самым *панутопический дискурс*. В 1984 году Виктория Чаликова писала: «возникает ощущение панутопизма — утопической реформации, наступления каких-то новых времен, когда некогда экзотический литературный жанр становится господствующим стилем, интеллектуальной модой и привычкой, все более неизбежным типом духовной жизни как таковой».⁷⁹ Однако она не смогла дожить до времен настоящего торжества *панутопизма*.

Сегодня утопия везде, она может быть представлена социально философскими идеями, как например трансгуманизм, или гендерная утопия, в том числе может принять форму политической программы, или так

⁷⁸ Манхейм Карл Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.С.704

⁷⁹ В. Чаликова Настоящее и будущее сквозь призму утопии URL: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html#ftnref50>. (Дата обращения: 08.04.2022)

называемых «ценностей» каких-либо транснациональных компаний, быть орудием в руках рекламы и тому подобные вещи. Дело в том, что те элементы, в которых представлена утопия современности, ускользают на общем фоне событий текущего дня. Текущий день, в свою очередь, есть слоган человека-потребителя, последний же приемлет лишь хаотичные формы и бесконечный поток разрозненных и бессвязных товаров. Этому соответствует и интенция постмодерна, который отказался от метанарративов, целостности и порядковости. О схожей ситуации на политической поле пишут в своем докладе члены Валдайского клуба «механизмы предыдущей системы больше не действуют, воцаряется опасный хаотичный мир без правил».⁸⁰

Человек текущего дня разучился смотреть в будущее, и потерял свои идеалы, однако это отнюдь не значит, что это потеря есть окончательный разрыв с миром утопии. Многие в действительности утверждают, что нынешнего обывателя уже не «разбудишь» сказками о далекой стране, где за работу бьют, а за безделье платят. Однако это ошибочное мнение, обыватель научился лишь не доверять, но верить он еще умеет. Человек не замечает, что его жизнь проникнута утопическими элементами, а они, в свою очередь, остаются неподотчетны восприятию. Так что в действительности сейчас мы еще более мечтатели, чем люди, уехавшие с Р. Оуэном в Северную Америку или покинувшие берега родной Франции вместе с Э.Кабэ. Утопия не умерла, она переродилась и сняла с себя целостность, нашла свою новую жизнь в разрозненности утопических элементов. Для того чтобы увидеть утопические элементы необходимо лишь настроить свое «зрение», и все они станут явными. Любой политический документ наполнен призывами в стиле лозунга Э.Кабэ «Идем в Икарию»⁸¹, необходимо просто заглянуть в любой устав, особенно международных или наднациональных организаций. В

⁸⁰ Утопия многообразного мира: как продолжается история. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Олег Барабанов, Тимофей Бордачев, Ярослав Лисоволик, Фёдор Лукьянов, Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев 2020.

⁸¹ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. С.218

комплексе, и при правильной обработке утопические элементы образуют мощный механизм воздействия на человека, о чем будет сказано в параграфе посвященном рекламе.

Хотя вот, что представляется интересным, литературная утопия продолжает жить в качестве устоявшегося жанра, что является следствием всплеска негативных утопий XX века. Да она потеряла свою силу, да цели её стали другими, но пресловутый утопический метод, как способ рассказа и познания остался, причем по-прежнему преимущественно в формах негативной утопии, с всё увеличивавшемся критическим моментом. Это целый ряд работ таких как — К. Исигуро «Не отпускай меня» (2005), Н. Орескес «Крах западной цивилизации: взгляд из будущего» (2014). Нельзя не сказать о подростковом жанре романов, где негативная утопия является лишь декорациями для привлечения внимания, таковы серии книг С. Коллинз и В. Рот.

Можно вспомнить и работы российских авторов, но их выход был скорее закономерностью, ответом на политические события второй половины 2000-х, вот как про это пишет А. Мирошкина: «ожидается также вброс на рынок романов, в той или иной степени “предваряющих” парламентские и президентские выборы. Вал антиутопий и политических памфлетов, захлестнувший отечественный худлит в 2006-м, не спадет и в предстоящем году».⁸² И действительно за совсем малый период вышли такие книги как: Дмитрия Быкова «ЖД»(2006), «Эвакуатор» (2005), В. Сорокин «День Опричника» (2006), О. Славникова «2017» (2006) и т.д. Однако они скорее стоят на грани утопического, и, пожалуй, стоит свести их к политической сатире в образ утопии. Были и утопии, например, работы А.А. Розова или книга Р.З. Абдуллина «Основной закон человечества. Новая утопия» (2006). На фоне всех этих произведений выделяется лишь два: роман-антиутопия В.О. Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011) и особенно политизированная утопия М.З. Юрьева «Третья Империя. Россия, которая должна быть» (2007).

⁸² Мирошкин А. Стратегии счастья // Книжное обозрение. 2007. № 1. С. 4

Но все же именно антиутопия и дистопия становятся преобладающими темами литературных утопий в наше время. Но не следует интерпретировать это как крах позитивной утопии, отнюдь, она существует, однако давно уже вышла за рамки литературы, и как было сказано выше, существует в форме своих элементов во всем объеме социального поля, зачастую конечно в политическом аспекте, однако это следствие процесса политизации утопии, начавшегося еще в XX веке.

Старые идеалы, начинают сдавать свои позиции, никакого «конца» истории не наступило: демократическая утопия не находит выходов, так что диалог остается невозможным, либеральная идея бьется в «наркотическом» припадке своих ветвей, социалистическая стагнирует в профанациях современных коммунистов. Однако всё еще впереди, мир движется в неизвестность, так что никто не может знать, как всё обернется, и кто победит в новой схватке идеалов. Члены Валдайского клуба, к примеру, высказывают такое мнение о будущем: «Новый утопический проект поставит под сомнение мнимую рациональность либеральных политических и экономических систем, но не станет и воспроизведением социалистических представлений о сущем»⁸³, и, пожалуй, стоит согласиться с их мнением, утопии прошлых столетий одряхлели, и уже не способны перевернуть ось мировой истории.

В текущем положении разрозненно, без громких манифестов и многотомных талмудов, утопия проникла во все сферы человеческой жизни, вылившись в *эпоху панутопизма*. Появляются утопии, вдохновленные идеями трансгуманизма, радикального феминизма. Экологический «угар» лишь усилился, так что появились радикальные утопические проекты «спасения» планеты, хотя эти тенденции прослеживаются еще в работах М. Бучкина (1921-2006) и идеи эко-анархизма. Расцветает неоязычество, в том числе экологическое, к примеру работа Даниила Андреева «Роза мира», и иные западные варианты, все они ставят на мировую доску свою утопию.

⁸³ Утопия многообразного мира: как продолжается история

Движение «Black Lives Matter», которое на первый взгляд ничего из себя с теоретической точки зрения не представляет, тем не менее вызвано к жизни, именно утопическими позывами. Иначе как объяснить создание ими автономии «CHAZ»⁸⁴ в одном из районов Сиэтла, чем это не подобие фаланстера или оуэновской коммуны. В России в связи с событиями 2022 года на Украине, утопический гул поднялся до небывалых высот. Можно даже утверждать, что Евразийство дугинского типа, основанное на проекте Четвертой политической теории А.Г. Дугина есть прямо *квази-политическая утопия XIX века* или проект-программа просвещенческого типа. Еще сотни утопических идей начинают искать себя, находить своих последователей и обрастать теоретическим материалом.

Протест XX века против утопии провалился, и вновь наступает время утопии. Так что в ближайшие десятилетия появятся сотни новых утопических идеалов, в которых отразятся текущие мировые тенденции. В настоящем хаосе платоновский полис оказывается всё ближе к своей реализации. Ввиду этого, и текущих действий утопистов, кои становятся всё более радикализованными, и походят скорее на деятелей времен Великой Французской Революции стоит вспомнить предостережение Фойгта: «Но все же я хотѣль бы особенно отмѣтить, что въ выставленіи вопросовъ, при слишкомъ широкому представленіи объ ихъ рѣшеніи, заключается немаловажная опасность, и что политическій утопистъ съ его радикальными рѣшеніями всѣхъ проблемъ также всегда представляетъ собой опасность».⁸⁵

Тем самым можно сделать краткий вывод, так если XIX век характеризуется *«квази-политической утопией»*, а XX-ый *«квази-утопической политикой»*, то XXI век — это эпоха *панутопизма*, как бесформенной оформленности утопии, когда она сливается во едино не только с политическим дискурсом, но и с вообще всей сферой культуры. Это

⁸⁴ Christopher Zara. Seattle's 'Capitol Hill Autonomous Zone' already has a Wikipedia page, but it might not last URL: <https://www.fastcompany.com/90515143/seattles-capitol-hill-autonomous-zone-already-has-a-wikipedia-page-but-it-might-not-last>. (Дата обращения: 21.04.2022)

⁸⁵ Фойгт А. Социальные Утопии. С.93

переход к хаотичному пространству мира, в котором зарождаются новые утопии.

§2. Утопические элементы в рекламной продукции. Продолжая тему влияния утопических элементов, необходимо обратиться к тематике метода их использования, к ситуациям, когда утопия становится эффективным манипулятивным орудием. Поэтому необходимо обратиться к понятию рекламы, так как именно она есть главное орудие всех структур, желающих воздействовать на общественное сознание. Феномены же пропаганды и агитации будут восприниматься нами, как вторичные.

Для начала стоит дать формальное определение терминам. Например, Большая Советская Энциклопедия пишет: «Реклама (франц. *reclame*, от лат. *reclamo* - выкрикиваю), 1) информация о потребительских свойствах товаров и различных видах услуг с целью их реализации, создания спроса на них. 2) Распространение сведений о лице, организации, произведении литературы и искусства и т. п. с целью создания им популярности».⁸⁶ Из этого определения становятся ясными ровно две вещи: во-первых, реклама – это форма информации, во-вторых, основная функция рекламы заключается в передаче информации третьему лицу с какой-либо целью, выгодной для создателя. Невозможно четко определить цель рекламы, это необязательно продвижение товара или услуги, но, в том числе и продвижение различных идей, к примеру, социальная реклама. Но все это очевидные каждому вещи, и следует посмотреть на специфику рекламы.

Итак, во-первых, понимать рекламу необходимо в наиболее общей форме, и потому придавать ей характер некой унифицированной формы. К примеру, является ли написание поста в социальные сети Twitter, VK, Facebook, YouTube и т.п., в поддержку, например, какой-либо идеи рекламой этой самой идеи? Определенно да, так как здесь налицо присутствует все

⁸⁶ Большая советская энциклопедия URL: <https://bse.slovaronline.com/35762-REKLAMA>. (Дата обращения: 22.04.2022)

компоненты 1.создатель → 2.информация → 3.получатель → 4.выгода создателя есть она или нет.

Во-вторых, стоит отметить важную черту рекламы в XXI веке, а именно ее превалирующий характер в медиасфере. Вообще медиасфера будь то телевизор, социальные сети, радио, газеты и т.д. полностью «захватила» пространство жизни человека, все события сейчас происходят там, а те, которые все же находятся вне её, все равно вынуждены считаться с ней, причем находясь в позиции подчиненного. Реклама как вид передачи информации как раз существует лишь в рамках медиа, а последнее, повторюсь, на сегодня является неким богом управляющим всем. Известный специалист по теории рекламы Чарльз Сендидж пишет: «Временами кажется, что, подобно смерти и налогам, реклама преследует нас везде»⁸⁷.

В-третьих, ядро рекламы отлично выразила Л.В. Жигулина: «Сильная сторона рекламы заключается в ее способности создавать идеалы успеха, здорового образа жизни, красоты и т.д. Более того, рекламные герои могут быть примерами для подражания, а особый сконструированный утопический мир идеалом стремления и притягательной силой для массового потребителя».⁸⁸ Заметим уже здесь этот неприглядный утопический мир, сконструированный рекламой. Реклама поэтому есть вообще главное средство передачи утопического в сознание человека, она взывает к этому пространству идеально неподотчетливого, и проявляет его, давая человеку надежду достичь «райские» берега. Причем и ценности, поднимаемые рекламой, ровно так же, как и утопия являются симулякрами, то есть сознательными конструктами, не имеющими референта в реальном мире.

Хотя всё не так однозначно, имеется и противоположное мнение специалиста по рекламе Дрейпер Даниэльс: «Чтобы быть эффективной, реклама должна соответствовать тому обществу, которое есть, а не тому,

⁸⁷ Сендидж Ч. Реклама теория и практика. пер. с англ. Ю.Н. Иванова. ред. Д.В.Павлов М.: Сирин, МТ-ПРЕСС 2001 С.230

⁸⁸ Жигулина Л.В. Диалектика утопии и медиа: опыт социально-философской концептуализации. науч. рук. Лебедев А.Б. Казанью: КЗУ 2014г. С.127

каким оно, по нашим представлениям, должно быть. Винить рекламу в болячках общества — все равно, что винить зеркало за бородавку у себя на носу». ⁸⁹ И с этим, пожалуй, стоит согласиться, но это не как-никак не опровергает, тот факт, что реклама содержит в себе огромный утопический и идеологический потенциал.

В том числе стоит упомянуть и такую характерную черту рекламы, как способ ее подачи. Многие исследователи отмечали, что реклама это, пожалуй, единственный продукт, который дарится покупателю, и последний, следовательно, рассматривает его как нечто себе причитающееся. Это опять же схоже с утопическими идеями, они также преподносятся людям, как открытие истины доступной всем. Реклама говорит нам: «ты всю жизнь жил плохо без этой вещи или услуги, приди и купи, тогда уже точно заживешь как надо», утопия повторяет: «вы живете в гнилом обществе, но я даю вам правильный порядок устройства, возьмите его и постройте и тогда все точно станет хорошо!». Конечно, стоит сделать отступление и сказать, что настоящий утопист, хотя бы делает свое дело, веря в это, от чистого сердца, тогда как рекламщик создает свой продукт с целью получения той или иной выгоды.

Так какая же здесь связь с утопическими элементами. А состоит она в том, что реклама, используя утопический элемент, и создает тем самым наиболее эффективный механизм воздействия. Она призывает вас к действию, обращаясь к самой вашей природе, а именно к вечному желанию жить в идеальном мире, или хотя бы мире лучше, чем наш, по этому поводу Ч. Сендидж пишет: «...реклама, когда она имеет успех, является откликом на уже существующие предрасположенности». ⁹⁰ Утопических элементов настолько много, что можно подобрать практически любой набор под нужные цели, и под нужных людей. В связи со скрытостью этих винтиков в общем механизме политической или любой другой агитации (рекламе),

⁸⁹ Сендидж Ч. Реклама теория и практика. С.224

⁹⁰ Сендидж Ч. Реклама теория и практика. С.225

представляется невозможным их распознавание при первом и коротком контакте, при так называемом «беглом осмотре», которым ограничивается человек текущего дня. И в самом деле, феномен «пробежать глазами» стал новым флагом нашего века, отныне всем нужна краткая выдержка, разговоры ведутся на языке тезисов и прокламаций. В практическом смысле это можно видеть и на выборах, где большая часть избирателей информацию о кандидатах получают от стендов, стоящих в местах для голосования, и от брошюр, небрежно разбросанных в подъезде, пестрящих лозунгами и заверениями. Возьмем несколько примеров уже из рекламной индустрии. Обратимся к слогану, использовавшемуся компанией Philips: «Let's Make Things Better» / «Давайте сделаем мир лучше». Данный слоган представляется банальным и простым, но давайте отметим две важные черты. Во-первых, нам «заявляется», что лучше будет почему-то не только нам, но и сам мир станет лучше. Неясно, на каких основаниях Philips берет на себя ответственность за весь мир, да это и не важно, послыл уже отправлен нам и воздействует. Во-вторых, понятие «лучше» отсылает к тому, что сейчас видимо «хуже», и покупая продукцию компании, мы пассивно соглашаемся с такой установкой, с позицией «мой мир плох», следовательно, я хочу «лучшего мира». В итоге суть этой рекламы сводится к утопическому смыслу «Мир плох, но если ты сделаешь это, то станет лучше». Абсолютно очевидно, что речь здесь не в прибытии к райским берегам, а всего лишь о продаже техники, однако нам важен метод продаж. И нам кажется весьма обоснованным заключение, что утопическая направленность является ключевой в рекламной продукции. Примеров, таких слоганов множество, так корпорация General Electric использовала схожий слоган с 1993 по 2003: «We Bring Good Things to Life». В том числе и компания Bayer «Science For a Better Life», итальянская дизайнерская компания Diesel: «For successful living и т.п. Все они сходятся с первым примером. Можно продолжать бесконечно приводить слоганы компаний, но цель отнюдь не в этом, а в раскрытии утопического характера современной рекламы.

Глава II. Утопия как форма самосознания человека.

Утопическое сознание наследует от утопии проблему понимания своей сущности, соответственно оставаясь в поле неопределенного бытия, однако вместе с тем это развязывает исследователю руки в деле разъяснения данного явления. В связи с этим было предложено немало моделей понимания «утопического сознания», некоторые из которых будут раскрыты, об иных же будет сказано в последующих главах.

Безусловно, начать стоит с Виктории Чаликовой, ведь именно она положила начало исследованию утопий в новой России, избавившись от марксистско-ленинского видения утопии. Чаликова, предлагает свой вариант осмысления утопического сознания, хотя и не раскрывает его полностью. Она предлагает нам трехчастное деление ориентаций сознания — на историческую, исторически-традиционалистскую и исторически-утопическую. Три ориентации соответствуют трем направленностям утопий, то есть времени, в котором утопист располагает свой идеал: грань настоящего и прошлого, прошлое или будущее.

Также указывает на *аисторизм*, как ключевую особенность утопическое мышления. «История же утопизма как часть истории идей показывает, что тотальный аисторизм изначально был элементом утопического мышления».⁹¹ Можно также выделить исследовательницу Е. Черткову, которая дает свое понимание утопического сознания, выделяя ряд присущих ему черт. Во-первых, ориентация скорее на идеал, чем на будущее. Во-вторых, трансцендентность, как возможность выхода за границы реальности. В-третьих, Черткова обрисовывает схему перехода от утопии-идеала к утопии-проекту, соответственно в первом действует утопист-мечтатель, а во втором революционер. В-четвертых, вслед за В. Чаликовой отмечается *аисторизм*

⁹¹ Чаликова В. Настоящее и будущее сквозь призму утопии. URL: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html#ftnref50>. (Дата обращения: 08.04.2022)

утопического сознания, и связывается он с *гиперрациональностью* утопического сознания: «Логоцентризм и рационализм продуцируют такие черты утопического сознания, как господство мысли над жизнью или тирания идеи».⁹²

Обращаясь к зарубежной классике, можно выделить К. Мангейма и Э. Блоха. Относительно первого, можно сказать, что утопическое сознание у него является собой тип мышления, направленный на борьбу с устоявшейся парадигмой, в терминах Мангейма идеологией. Тем самым соответственно борьбе двух сил — утопии и идеологии, сражаются и два типа сознания, и такое противостояние является социообразующим принципом. Если же говорить об Эрнесте Блохе, то ему можно уделить хоть целую работу, так как утопия выступает у него онтологическим принципом бытия общества, потому и трудно выделить утопическое сознание, как категорию. Мир для Блоха есть динамичный процесс незавершённости, балансировка между Ничто и абсолютным Все. Утопическая реальность как отражения еще-не-бытия есть реальность возможности, которая если станет действительностью, то станет абсолютным Все. Он также вводит понятие «конкретной утопии», тем самым обходя все нападки. Конкретная утопия есть утопия опосредованная реально-возможным, опирается на него и выражает его. «Это такое утопическое, предвосхищающее мышление, которое отказывается от готово-застывших проектов будущего и скорее указывает направление движения, связанное с достижением действительно Нового».⁹³

Имеется еще много вариантов осмысления утопического сознания, но и нет особого смысла расплываться далее, цель была лишь в том, чтобы продемонстрировать проблему неопределенности, и дать читателю возможность сравнить его позицию, и варианты признанных исследователей.

⁹² Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания. Обще-ственные науки и современность. № 3.1993 С.76

⁹³ Вершинин С.Е. Философия надежды Эрнста Блоха: оправдание утопии Екатеринбург 2001 URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/633/1/urgu0004s.pdf> (Дата обращения: 14.04.2022)

§1. Диалектика утопического сознания. Как уже было сказано почти каждый исследователь утопии, предлагал своё видение утопического сознания, во всех них присутствуют и общие черты, и кардинальные различия. В данном исследовании не ставится цель опровергнуть прошлые идеи, наоборот задача состоит в том, чтобы вслед за предшественниками предоставить свою версию.

Первым шагом анализа будет констатация того, что утопия, в сущности, есть симулякр или знаковая система, не имеющая своего референта в реальности, а ее безусловным признаком является сущностная не реализуемость и идеальность, представленного мира.

Второй шаг заключается в определении утописта, как индивида стремящегося к реализации утопического замысла, к воплощению в реальность, именно это характерно для утопического сознания. Человек же, который просто написал утопию, к примеру, Т. Мор, однако не стремился к ее созданию, есть просто футуролог, философ, аналитик и т.д.

В ходе утверждения первых двух тезисов, становится ясно, что утопическое сознание — это особое состояние человека, при его взаимодействии с утопией, при котором сущности явлений обретают свой противоположный смысл. Однако к таковому состоянию сознанию, необходимо еще прийти.

Первой позицией будет состояние обыденного сознания, в котором происходит первая фаза — это интенция утопии, идея воздействует на мышление индивида *еще-не-утописта*, которое остается еще в своем привычном состоянии. Утопия, выступая здесь как субъект, сам индивид как объект. При таком воздействии совершается бессознательная ошибка, приводящая нас к следующему шагу.

Вторая позиция, становление утопического сознания — есть процесс, при котором утопия теряет себя, как саму себя в сознании индивида, переходя в форму *не-утопии*, индивид в свою очередь становится *уже-утопистом*, то есть именно утопия рождает утописта. Этот процесс можно описать так,

страстное желание *еще-не-утописта* воплотить утопию в жизнь, противоречит ее сущностной характеристике, из-за невозможности примирения с этим, сознание утописта подменяет утопию чем-то иным, хотя первая в объективной реальности остается верной своей трансцендентности. Тем самым *уже-утопист*, становясь субъектом, над *не-утопией*, утопическое сознание торжествует: «Оно отворачивается от всего того, что может поколебать его веру или парализовать его желание изменить порядок вещей». ⁹⁴ Хотя он и не осознает самообмана своего сознания, наделяя созданный им концепт *не-утопию* свойством идеальности материнского явления. *Не-утопия* в этом случае — это конструкт утопического сознания, подменяющий собой утопию. Это проект идеального общества, однако, наделенный утопистом возможностью к реализации, тем самым это понятие сущностно противоположное утопии.

После полной реализации второй стадии в сознании утописта возникает конфликт содержания первой и второй фазы. То есть одновременность присутствия в сознании утописта двух противоположных концептов утопии и *не-утопии*. Одновременность его бытия как субъекта *не-утопии* и объекта утопии. В конце концов, попытка синтезировать противоположности, приводит нас к парадоксальной ситуации, в которой оказывается сам утопист, отныне для него не референт рождает знак, а знак должен произвести реальный референт, соответственно этому не утопист рождает утопию, а утопия рождает утописта. Последний пытается перенести нечто из сферы трансцендентного в сферу имманентного, оставляя при этом свойства первой сферы.

Третья позиция есть идеологическое сознание — стремясь примерить противоречия своего мышления, утопист пытается «очеловечить» утопию, так что он сам не замечая начинает избавляться от абсолютности своего проекта, тем самым придавая своей *не-утопии* фактор относительности. Если

⁹⁴ Мангейм К. Идеология и Утопия. URL:http://socialistica.lenin.ru/txt/m/manheim_1.htm. (Дата обращения: 24.03.2022)

в утопии, имелось абсолютное благо и справедливость, а не-утопия сущностно не может примерить на себя такие мерки, то на выходе получается «Франкенштейн», созданный утопическим сознанием, а именно «идеология», где властвует относительность, присущая реальному миру. Сам же утопист превращается в одержимого политика.

Итого перед нами предстает диалектическая триада: I утверждение утопии → II отрицание не-утопия → III противоречие и синтез, рождение идеологии.

Ей соответствует схема развития сознания:

I Обыденное сознание → II Утопическое сознание → III Идеологическое сознание

Еще раз определим введенные нами концепты:

Первая стадия — обыденное сознание, при котором утопия понимается как идеальное недостижимое.

Вторая стадия — утопическое сознание; рождение концепта *не-утопии*, то есть образа идеального мира, наделенного способностью к реализации. Причиной его создания является бессознательная подмена *еще-не-утопистом* сущности утопии при его становлении в *уже-утописта*. На данной стадии возникает утопическое сознание, утопист становится субъектом *не-утопией*, последняя вступает в конфликт с утопией.

Третья стадия — идеологическое сознание; утопист, находящийся в состоянии разрыва собственного мирозерцания, в силу невозможности примерить существо двух противоречащих концептов утопии и *не-утопии*. Эманирует последнюю, разрешая конфликт, и рождает проект идеологии. Признаю, что данная идея имеет свои проблемы и необоснованные решения, что отчасти связано с текучестью самого утопического дискурса, так что нуждается в разработке. Однако надеюсь, представленный здесь зачаток идеи сможет удовлетворить читателя и вызвать его интерес.

§2. Утопия и Наука. В прошлых главах уже был упомянут тот факт, что в 1880 году Ф. Энгельс издал брошюру под названием «Социализм: утопический и научный», а в американском издании 1895 года заглавие было переведено как: «Развитие социализма от утопии к науке». Именно с этого времени утопия начала пониматься, как несбыточная фантазия, противная объективной науке, а причина утопии — это незрелость производственных отношений. Брошюра Энгельса, конечно, носила пропагандистский характер, однако это не помешало ей обрести популярность. В свою очередь попытаемся доказать обратное, указав на близость утопии и науки в нескольких пунктах.

Во-первых, утопия зачастую имеет под собой крайне рационалистическую основу, во многом именно с этим связано тотальное регламентирование, присущее утопическим конструктам. Наука также основана именно на силе «рацио». «Утопия есть проявление процесса рационализации, по крайней мере, в той степени, в которой возможно рационализировать скрещение утопической интенции, или, лучше сказать, скрещение утопической программы с историческим процессом трансформации общественной действительности». ⁹⁵ Уже, исходя из этого можно вывести, некоторое сходство утопии и науки: оба явления есть детища Нового времени, и они вобрали в себя характерную для этого времени веру в силу разума.

Во-вторых, утопия может выступать как метод, анализа и проектирование, полагания гипотез обществ, не отрицая при этом характера несбыточности, яркими примерами этому являются Т.Мор и Т. Кампаннела. Этот фактор, безусловно, сближает утопию и науку, как пользующихся схожими методами. Позиция Энгельса во многом связана с состоянием науки в его время, тогда под влиянием контовского позитивизма, наука мыслилась как объективное описание факта, как система законов. Сегодня же, когда наука понимается более широко, и в ней есть место субъективным гипотезам и концепциям,

⁹⁵ Маравалль Х. Утопия и реформизм. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. С.229

существуют области научного знания, в которых вся работа имеет созерцательный характер, поэтому утопия по-новому открывается в соотношении с ней. К примеру, Свентоховский упоминает: «Кабэ сам говорит, что она разрешил свою задачу так, как математик, не считаясь с действительностью»⁹⁶, вспомним и слова Скиннера: «Утопическая литература заслуживает внимания как раз ввиду того, что подчеркивает ценность экспериментирования».⁹⁷

В-третьих, утопия поднимает значения творческой способности человека на небывалые высоты, это существенно для современной науки, которая не может обойтись без свободного и живого воображения. Утопия тем самым лишь сопутствует и содействует развитию науки.

Конечно, не стоит, говорить, что утопии и наука едины, задача состоит лишь в том, чтобы указывать на некоторое их сходство. Различий у них также не мало, и они лежат на поверхности, так: во-первых, наука нацелена на исследование действительности, утопия на ее оценку; во-вторых, ученый ищет истину, утопист уже ее нашел; наука конструирует реальность, утопия занимается лишь ее образом и т.д. Можно еще долго перечислять различия, но верно подметила Черткова: «Научные теории не лишены утопических элементов, а утопии полны научных догадок. Научные идеи участвуют в построении утопий, а последние, в свою очередь, вдохновляют ученых и тем самым влияют на эволюцию познания общества».⁹⁸

§3. Дискуссионные проблемы в утопических исследованиях. Данный параграф посвящен дискуссионным проблемам в утопическом дискурсе.

Первой из таких является дефиниционный вопрос. Суть его сводится к невозможности точно определить утопию, Ю.Д.Смирнова к примеру, пишет: «Смешение понятий «утопия», «утопизм», «утопическое» встречается очень часто, в результате чего размывается каждое из них, нивелируется граница,

⁹⁶ Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века.С.211

⁹⁷ Шацкий Е. Утопия и Традиция. С.32

⁹⁸ Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания.С.79

их разделяющая».⁹⁹ И действительно существует множество вариантов понимания утопии, к примеру, марксистский взял для неё определение утопии К. Мангейма; понимание утопии как методологии (Б. Скиннер, М. Мид, неофиналист Р. Рюйе) или как особой формы знания. Отдельно стоит отметить вариант, данный Э. Блохом, ведь утопия у него становится чуть ли не онтологическим основанием социума. Не имеет смысла здесь перечислять все варианты, цель состояла в ином, в попытке продемонстрировать «текущий» характер утопического дискурса, его непостоянство. Исходя из этого, можно отнести понятие утопии к инфиниции. Инфиниция — это достаточно новый термин для философии, но как нам кажется наиболее подходящий. Он обозначает отсроченную дефиницию, которая одновременно определяет какое-либо понятие, но в то же время указывает на его принципиальную неопределимость.

Это же самое подтверждает и классификационная проблема, так на сегодняшний день существуют десятки моделей деления утопий. Например, варианты, в основе которых лежит функция утопии или мотив утописта, таковы модели Л. Мэмфорда (утопии «бегства» и «реконструкции») и Е. Шацкого (утопии как героические ордена или политики и утопии эскапистские: места, времени или вневременные). Также существуют иные основания для различения, А. Фойгт делит утопии на архические и анархические, соответственно характеру отношений господства и подчинения. Перечислим еще ряд вариантов: Модель Ф. Э. и Фр. П. Мэньюэлей (утопия и ухрония), Ф. Полак (1907-1985) (утопия, полуютопия и квазиутопия), Э.Я. Баталов (народная, официальная, литературно-художественная утопия и коммунитарный эксперимент; также светская и религиозная утопия), С.С. Сизов (действенные и созерцательные (места, времени и извечной гармонии) типы утопий). Даже Ленин выделял утопии

⁹⁹ Сми Смирнова Ю.Д. Утопия, утопизм, утопическое сознание-основные смыслы. Ученые записки казанского университета. Том 153, кн. 1 2011. С.142

либеральные и народнические в статье «Две утопии».¹⁰⁰ Таким образом, можно заключить о принципиальной несогласованности утопической науки.

Третьей, но не последней проблемой станет вопрос о различении религиозной и светской утопии, здесь перед нами предстают две группы:

Первая утверждает принципиальное различие между религией и утопией, тем самым сводя религиозную утопию к феномену чисто утопическому, и отрицая создание каких-либо утопий в лоне религии, или вообще отрицая возможность существования термина «религиозная утопия». Содержание данной позиции яснее всего выразил А. Фойгта: «Религиозное мировоззрение стоит по отношению к утопиям в несравненно более резком противоречии... Оно отказывается от утопических мечтаний не потому, что считает социальные идеалы неосуществимыми, но отрицает их принципиально, как по своему существу неверно направленное ложное стремление к чему-то суетному и ничтожному», с ним соглашается и Э.Я. Баталов.

Вторая принимает промежуточную позицию или, отождествляя утопию и религию, или отмечая их значительное сходство, и утверждая потенциальную возможность их взаимопроникновения, и, на этой почве, вполне можно утверждать возможность религиозной утопии, как феномена преимущественно религиозного. К исследователям, поддерживающим данный вариант, следует отнести В. Чаликову, И.С. Шестакову и даже утописта А. Сен-Симона. Шестакова к примеру, пишет: «Утопия и религия не просто рядоположены в сознании общества. Они определенным образом взаимодействуют. Влияние религиозного мировоззрения на утопию, несомненно».¹⁰¹ И вновь утопистика наталкивается на противоречия и вопросы, вновь не удается прийти к общему знаменателю утопии.

Исходя, из всего выше перечисленного несомненным остается одно, а именно, необходимо признать утопический дискурс крайне проблематичным

¹⁰⁰ Ленин В.И. Две утопии. Полное Собрание Сочинение. Изд. 5 Том 22. М.: Изд. ПолЛит 1968. С.117-121

¹⁰¹ Шестакова И.С. Утопия и социальный идеал. Бийск: Изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2007
URL: <https://refdb.ru/look/1451737-pall.html> (Дата обращения: 27.04.2022)

и не однозначным полем исследования. Остается еще множество вопросов, на которые стоило бы дать ответ, но на данный момент необходимо сфокусироваться на осмыслении полученных выводов. Однако я надеюсь, что в будущем мне удастся продвинуться еще дальше в исследовании тайн утопии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершении исследования вернёмся к его началу, а именно к цели, поставленной во введении. Цель работы заключалась в построении системы исторического развития утопии с параллельной задачей выявления ключевых проблем утопистики, и их возможного решения. Данная работа стала важным шагом на пути к достижению поставленной цели, были очерчены границы смены утопических парадигм, выявлены особенности каждого периода, в то же время не остались без внимания противоречия утопистики, в связи с которыми были предложены авторские решения некоторых из них. Хотя я убежден, что многое осталось без достаточного внимания, отбросим сомнения в сторону, и напрямую взглянем на результаты для выяснения их полезности и содержательности в качестве базы для дальнейших исследований.

Итак, по итогам исследования следует сделать определённые выводы. Соответственно поставленным задачам была сформирована линия исторического развития утопии, и в качестве основного вывода было сформулировано следующее положение: История развития утопического представляет собой постоянный процесс взаимодействия утопии и иных форм социального, что приводит к созданию и смене уникальных утопических парадигм. Кратко историческую схему можно представить так:

- 1) Первая фаза: Античная утопия - основана в первую очередь на архетипических образах, располагающих идеал в прошедшем «золотом веке»; литературный характер разрознен, так что нельзя говорить о каком-либо

каноне; появляются первые прообразы политических утопий, особенно в Древнем Риме; утопии находят себе приют в идеях различных философских школ (стоицизм, эпикуреизм, платонизм и т.д.)

2) Вторая фаза: Средневековье - развитие утопических идей происходит в лоне эсхатологических концепций христианства, в виде явлений хилиазма или миллениаризма; невозможность независимой от религиозного сознания утопии, связанная в-первую очередь с полным господством христианского мирозерцания, во-вторых с тотальным присутствием института церкви в жизни любого человека.

3) Третья фаза: Эпоха Возрождения - переходный период между эсхатологической утопией и классической, характеризуется, однако уникальными чертами: утопия вплетается в нить философии, обретая себя в гуманистической мысли, в утверждении мощи и свободы человека; появляются градостроительные проекты, носящие прямо или косвенно утопически характер; эпоха Возрождения заложила фундамент для новоевропейской революции.

4) Четвертая фаза: Новое время - век рождения классической утопии. Именно в это время, можно говорить о формировании классического утопического жанра, которому присущи всем знакомые черты: образ путешествия, потерянный остров, продуманная организация, вечное возвращение путника и т.д.; работы Нового времени носили характер скорее литературный, чем политический.

5) Пятая фаза: Просвещение - развитие утопической традиции Нового Времени, и все большее вхождение политического в сферу утопии. Появление первых утопий-проектов, и попыток их реализации. Присутствуют всем известные литературные клише. Данная эпоха ознаменована Великой Французской революцией.

6) Шестая фаза: Первая половина XIX века, характеризуется высшей стадией развития классической утопии, и соответственно ее исчезновением; наступает пик попыток реализации утопии; политическое постепенно

сливается с утопическим, однако оставаясь при этом в подчиненном положении. В утопиях XIX века, были заложены многие идеалы, которые обретут себя лишь во второй половине данного столетия.

7) Седьмая фаза: Вторая половина XIX века - классическая утопия исчезает из утопического дискурса, а сама утопия переходит в плоскость политического, оставляя при этом свою идеальную сущность, так что такое противоречие рождает *квази-политическую утопию*. Однако вместе с тем, начинается процесс детерминации утопического в истории, его привязка и обоснование течением общественно-исторического развития, тем самым мы наблюдаем медленное подчинение утопии дискурсу политического. Важно отметить роль марксизма в этом процессе. Утопия, теряет свою классическую литературную форму, образуя два течения: утопия-программа - данная линия разовьется в будущем в идеологию, и фантастическая утопия. Последняя литературная форма утопии, демонстрирует нам сближение жанров утопии и фантастики.

8) Восьмая фаза: XX век характеризуется тремя основными процессами: во-первых, рассвет негативной утопии, выразившийся в масштабном продуцировании антиутопий и дистопий. Во-вторых, синтез утопии и фантастики, так что эти жанры становятся трудно отличимыми. В-третьих, окончательная победа политического, и образование новой формы утопии: *квази-утопической политики*, отныне сама политика заговорит на языке утопии, который будет невидимой линией проходить через все политические теории. В связи с этим появляется также практопия, как особый жанр отражающий квази-утопический характер современной политики.

9) Девятая фаза: XXI век отражает смену форму утопии с *квази-утопической политики* на *панутопизм*. Само понятие *панутопизма* подразумевает под собой хаотичное состояние утопии, так что более мы не видим более цельных утопических проектов, однако утопические элементы проникли во все культурные сферы. Таким образом, XXI век есть, пожалуй, самый утопичный период в истории человечества, масштаб производства

утопических концептов и проникновение утопических элементов в нашу жизнь растет с каждым днем. Вскоре возможно мы увидим утопический взрыв, который будет вызван текущим кризисным положением западной цивилизации.

В результате проведенного анализа и на основе полученных данных удалось решить следующую группу задач. Был выявлен ряд утопических проблем, и предложено их авторское решение.

В отношении природы утопического сознания предложена идея диалектического развития последнего, данная схема представляется таковой: I Обыденное сознание → II Утопическое сознание → III Идеологическое сознание. Каждый элемент вступает в противоречие с последующим, тем самым рождая новый. Становление утопического сознания идет параллельно с процессом становления самой утопии: I утверждение утопии → II отрицание не-утопия → III синтез - идеологии. Важно отметить, что стадии эволюции не являются необходимым, так что не обязателен проход через все. Предложенное решение проблемы утопического сознания, повлекло за собой переосмысления концепции К. Мангейма о противостоянии утопии и идеологии, а именно была выдвинута идея преемственности их отношений, хотя в то же время не отрицалось их возможная борьба, как самостоятельных стадий. Потому уместно назвать это именно переосмыслением, а не заочным спором с известным философом.

Особое внимание было уделено взаимоотношениям утопии и науки, в этом смысле была совершена попытка переосмысления марксистских позиций пренебрежительного отношения к утопии. Наоборот была указана близость утопии и науки, сходство их мотивов и методов. Важным моментом также стало указание на важность концепции П.И. Новгородцева в осмыслении утопического, и потенция этой идеи стать проводником современного мира. В отношении иной категории вопросов был проведен лишь анализ и предложены варианты решений признанных исследователей.

К таким проблемам относятся: взаимоотношения утопии и религии, дефиниционный и классификационный вопросы.

Таким образом, выводы, сделанные в ходе работы над ВКР, представляют собой комплекс, состоящий из двух основных групп. Так если первая описывает состояние и особенности исторических фаз развития утопии, а также проблематизирует их, то вторая в свою очередь выделяет общие для всех периодов вопросы, и стремится найти их решения. Это соответствует и главному мотиву данного текста, а именно стремлению к воскрешению утопистики путем переосмысления классических вопросов утопии. Поэтому под конец хочется сказать, что утопия — это настолько опасная и непонятная вещь, насколько она и великая, и потому стоит всегда помнить:

«...Нет счастливых народов

И острова нет, на котором уже никогда не прольется кровь человека.

Но есть правда создания чего-то нового, лучшего...

Хотя все лучшее рождается в муках - как и люди»¹⁰²

Список использованной литературы

1. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди./ ред. О.Б.Константинова /М.:РГГУ, 1995.С.401
2. Баталов Э.Я. В мире утопии / Баталов Э.Я. - М.: Изд-во политической литературы, 1989.С.320
3. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. изд УФУ Екб.: 1997. С.395
4. Вечер в 2217 году. Русская Литературная Утопия / Серия: Утопия и антиутопия XX века. / сост., авт. Предисл. И коммент. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1990 С.719

¹⁰² Шацкий Е. Утопия и Традиция.С.455

5. Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII века. М.: изд-во АН СССР.1975)
6. Галибина-Лебедева Е.С. Орден иезуитов в Латинской Америке XVII–XIX веков: на примере Эквадора М.: Наука. 2014.С.334
7. Герье В. И. Мабли, Габриель Бонно // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
8. Джованни Пико делла Мирандола Речь о достоинстве человека. Перевод Л.Брагиной. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. Т.1.
9. Жигунина Л.В. Диалектика утопии и медиа: опыт социально-философской концептуализации. науч. рук. Лебедев А.Б. Казанью: КЗУ 2014г. С.164
- 10.Идеал, утопия и критическая рефлексия. под ред. В.А. Лекторский.М.: РОССПЭН, 1996.С. 302
- 11.Кабе Э. Путешествие в Икарию: философский и социальный роман. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1948. С.239
- 12.Кампанелла Т. Город Солнца. Пер. с лат.и комм. Ф.А. Петровского. М.: Издательство Академии наук СССР. 1954
- 13.Ленин В.И. Две утопии// Полное Собрание Сочинение. Изд. 5 Том 22// М.: Изд. ПолЛит 1968 С.624
- 14.Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристь, 1994. 704 с.
- 15.Маркс К. и Ф. Энгельс., Сочинения. Издания второе. Том 4 СССР. М.: изд.полит.лит. 1955.С. 723
- 16.Маркс К. и Ф. Энгельс., Сочинения. Издания второе. Том 2 СССР. М.: изд.полит.лит. 1955.С. 668
- 17.Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Издания второе., Том. 1. С. 723
- 18.Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Сочинения. Второе издание. Т.4. М.: ГИПЛ, 1955. С. 638.
- 19.Мор Т. Утопия. под. ред. В.П.Волгина. М.: АН СССР. 1953 С.297
- 20.Мирошкин А. Стратегии счастья // Книжное обозрение. 2007. № 1.
- 21.Новгородцев П.И. Об общественном идеале / Составление, подготовка текста, вступительная статья А. В. Соболева. М.: Издательство «Пресса». 1991 С.640
- 22.Новгородцев П.И. Политические идеалы Древнего и Нового мира: Очерки по истории философии права. Вып. 1-2. Новгородцев П. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1914.С. 200
- 23.Плеханов Г.В. Анархизм и Социализм. пер. с нем. СПб.: изд. Марии Малых. 1906. С.84
- 24.Религиоведение: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М. М. Шахнович — СПб.: 2012. С.381
- 25.Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре. Пер. с фр. — М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле». 1998. стр.413

- 26.Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века.Изд. 2-е, СПб: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С.425
- 27.Сендидж Ч. Реклама теория и практика. пер. с англ. Ю.Н. Иванова. ред. Д.В.Павлов М.: Сирин,МТ-ПРЕСС 2001 С.237
- 28.Смирнова Ю.Д. Утопия, утопизм, утопическое сознание-основные смыслы. Ученые записки казанского университета. Том 153, кн. 1 2011. С.141-148
- 29.Сизов С.С. Утопия и общественное сознание.Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988.С.120
- 30.Тоффлер Э. Шок будущего М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.С.538
- 31.Ушков А.М. Утопическая мысль в странах Востока: традиции и современность. — М., 1982.С.184
- 32.Утопия многообразного мира: как продолжается история// Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»// Олег Барабанов, Тимофей Бордачев, Ярослав Лисоволик, Фёдор Лукьянов, Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев 2020.
- 33.Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы//Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой., М.: Прогресс. С.409
- 34.Фойгт А. Социальные Утопии. под ред. П.И. Броунова и В.А. Фаусека. пере. с нем. В.Ф. СПб: изд. Брокгаузъ-Ефронъ.1906. С. 108
- 35.Хилтон Р., Фаган Г. Восстание английского народа в 1381 г. М.: Издательство Иностранной литературы, 1952.С.209
- 36.Чаликова В. Утопия рождается из утопии. Лондон. Overseas Publications Interchange Ltd. С.217
- 37.Чернышов Ю.Г. Древний Рим: Мечта о золотом веке. – М.: Ломоносовъ.:2013. С.240
- 38.Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания. Обще-ственные науки и современность. № 3.1993 С.71-81
- 39.Черткова Е.Л. (1996). Специфика утопического сознания и проблема идеал. В.А. Лекторский (ред.). Идеал, утопия и критическая рефлексия. М.: РОССПЭН, 1996. С.156-188.
- 40.Шафф Ф. — «История христианской Церкви». СПб.: 2010. Т. 2.
- 41.Шацкий Е. Утопия и Традиция. ред. В.А. Чаликова. изд. Прогресс М.: 1990. С.455
- 42.Шишкин Д. П. Миры-утопии в эпоху постмодерна. Ломоносов 2007: материалы XIV Международной конференции. Т. IV. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 123.
- 43.Штаерман Е. М. Эволюция идеи свободы в древнем Риме // ВДИ, 1972. № 2. С. 50.
- 44.Элиаде М. Аспекты мифа/ Пер. с фр. В.П. Большакова. — 4-е изд. — М.: Академический Проект, 2010. С.251
- 45.Эрлихсон И.М. «Новая Атлантида» Ф. Бэкона в английской социально-политической и философско-теологическое мысли эпохи реставрации

- (1660–1689 гг.). Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. С.270-280
46. Mumford L. The story of utopias. New York: Boni and Liveright, inc. 1922. This web edition created and published by Global Grey 2013.
47. Sutton, Robert P. (1994). Les Icaris : the utopian dream in Europe and America. Urbana: University of Illinois Press.
48. Soland, Randall (2017). Utopian communities of Illinois : heaven on the prairie. Charleston, SC: History Press
49. Баумейстер А.О. «"Государство" Платона - не о политике?»
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LTATVzwxqqk> (Дата обращения: 09.03.2022)
50. Большая советская энциклопедия URL:
<https://bse.slovaronline.com/35762-REKLAMA>. (Дата обращения: 22.04.2022)
51. Вершинин С.Е. Философия надежды Эрнста Блоха: оправдание утопии Екатеринбург 2001 URL:
<https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/633/1/urgu0004s.pdf> (Дата обращения: 14.04.2022)
52. Мангейм К. Идеология и Утопия.
URL: http://socialistica.lenin.ru/txt/m/manheim_1.htm. (Дата обращения: 24.03.2022)
53. Чаликова В. Настоящее и будущее сквозь призму утопии. Москва, ИНИОН, «Современные буржуазные теории общественного развития», 1984 URL: <http://chalikova.ru/nastoyashhee-i-budushhee-skvoz-prizmu-utopii.html#ftnref50> (Дата обращения: 08.04.2022)
54. Чернышов Ю.Г. Характерные черты греческой социальной утопии. Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья: Межвузовский сборник. Барнаул.: изд. Алт. ун-та, 1989. С. 3-21. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2974> (дата обращения: 27.03.2022)
- Шестакова И.С. Утопия и социальный идеал. Бийск: Изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2007 URL: <https://refdb.ru/look/1451737-pall.html> (Дата обращения: 27.04.2022)
55. Christopher Zara. Seattle's 'Capitol Hill Autonomous Zone' already has a Wikipedia page, but it might not last URL:
<https://www.fastcompany.com/90515143/seattles-capitol-hill-autonomous-zone-already-has-a-wikipedia-page-but-it-might-not-last>. (Дата обращения: 21.04.2022)
56. Utopian Literature in English: An Annotated Bibliography From 1516 to the Present by Lyman Tower Sargent URL:
<https://openpublishing.psu.edu/utopia/content/introduction> (Дата обращения: 11.04.2022)

